

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-204-266

УДК 930.85

ВИЗАНТИЯ И ВИЗАНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНОГО МИРА

Аннотация. 2023 год отмечен двумя юбилеями, чрезвычайно значимыми для отечественной культуры и общественной мысли. 170 лет исполняется со дня рождения Владимира Соловьева, одного из величайших русских философов и предтечи Серебряного века, и полтысячелетия минуло с того момента, как Филофей Псковский отчеканил формулу: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Точкой пересечения символических векторов, воплощаемых в двух этих знаковых фигурах русской истории и идей, является текст, заглавие которого выбрано нами в качестве темы данного номера журнала. Очерк «Византизм и Россия» можно рассматривать и как отражение идейно-политической повестки конца XIX в., и как знаковую веху в многовековом споре об историческом пути России, в котором по сию пору не поставлена последняя точка. В год двух этих юбилеев мы предлагаем поразмышлять о вечно актуальных проблемах, к осмыслению которых побуждают прозрения, догадки и предупреждения двух русских пророков: о «византийском векторе» российской истории и его осмыслении в отечественной историософии и общественной мысли, о месте и значении наследия Римской державы в культуре, идеологии и политико-правовых традициях России, о вдохновляющих мотивах и опасных соблазнах доктрин и концепций, в той или иной степени производных от идеи византийского наследия, о том, в какой мере эти идеи могут быть актуальны сегодня, а в какой мере мы остаемся заложниками их превратных истолкований.

Ключевые слова: Византия, Византийское содружество, византийское наследие, богоизбранничество, Новый Иерусалим, Кирилло-Мефодиевская традиция, ордынское наследие, евразийство.

Цитирование: Еманов А.Г., Кириллов А.А., Долгов В.В., Гайдено П.И., Пиков Г.Г. Византия и византизм в исторической памяти, религиозном сознании и культуре России и православного мира // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 204–266. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-204-266 / Emanov A.G., Kirillov A.A., Dolgov V.V., Gaidenko P.I., Pikov G.G. Byzantium and Byzantism in Historical Memory, Religious Consciousness and Culture of Russia and the Orthodox World, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 204–266. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-204-266.

© Еманов А.Г., Кириллов А.А., Долгов В.В., Гайдено П.И., Пиков Г.Г., 2023

Вопросы дискуссии:

1. С легкой руки Д. Оболенского в научный обиход прочно вошел концепт «Византийское содружество», под которым понимается метаэтническое сообщество, сформировавшееся под эгидой Ромейской державы и омофором православия. Однако если сам факт существования этой «семьи народов» историками не отрицается, то мера вовлеченности в нее Руси остается предметом острых споров. Насколько органичной частью «Византийского содружества» была Русь, и если степень ее включенности в это политическое и культурное пространство была, как полагают многие историки, несопоставимой с другими регионами православной ойкумены, то почему именно русская книжность породила наибольшее, в сравнении с иными странами имперской периферии, число концепций «византийского наследия»?
2. Британский историк-русист Б.Х. Самнер писал, что «Византия принесла России пять даров: свою религию, свой закон, свой взгляд на мир, свое искусство и письменность». Насколько адекватно отражает историческую действительность данная формула? Можно ли назвать какие-то иные сферы, помимо перечисленных, где укоренилось византийское влияние? Везде ли оно было в равной мере глубоким и какую из двух сторон в этом культурном трансфере следует считать более активной?
3. Среди образов прошлого и настоящего, в которых русские книжники искали вдохновение и видели пример для подражания, помимо Константинополя были и иные города-метафоры, воплощавшие идеи богоизбранничества и державного величия. В разное время и в разных обстоятельствах такими символами становились Иерусалим, Вавилон, Рим, а позже – и русские столичные грады Киев и Владимир. Можно ли считать все эти концепции разными вариантами одной идейной традиции, между которыми больше сходства, чем различия, либо это альтернативные варианты развития религиозно-политической мысли средневековой Руси?
4. Историками и философами, причастными к евразийству, впервые был выдвинут тезис, согласно которому Москва, заявляя о своих претензиях на статус «Нового града Константина», в действительности в большей мере была наследницей Орды, а не Византии. Насколько справедливо данное утверждение?
5. Каково значение «византийского наследия» для русской истории и культуры в долговременной перспективе, в масштабе *longue durée*? Можно ли его сводить, в духе чаадаевской формулы *la misérable Byzance*, исключительно к отчуждению от Запада, торжеству косности, политического сервиллизма и лицемерия? Или, наоборот, следует признать, что феноменально ранний, в сравнении со славянскими народами, выбравшими «латинство», старт русской (в широком смысле) этнокультурной традиции является прямым следствием вхождения, пусть и опосредованно – через «кирилло-мефодиевскую традицию» – в византийскую ойкумену? Наконец, не таило ли в себе стремительное усвоение огромного массива «славянизированной» культурной информации угрозу поверхностного восприятия этого наследия, не прожитого и не выстраданного самостоятельно?

Участники дискуссии:

Еманов Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет.

Кириллов Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, Южный федеральный университет.

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет.

Гайдено Павел Иванович, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет; профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, Новосибирский государственный университет.

BYZANTIUM AND BYZANTISM IN HISTORICAL MEMORY, RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AND CULTURE OF RUSSIA AND THE ORTHODOX WORLD

Abstract. The year 2023 is marked by two anniversaries that are extremely significant for Russian culture and social thought. 170 years have passed since the birth of Vladimir Solovyov, one of the greatest Russian philosophers and predecessor of the Silver Age. Half a millennium has passed since the moment when Philotheus of Pskov coined the formula: "Two Romes have fallen, the third stands, and there will be no fourth". The intersection of the symbolic vectors embodied in these two iconic figures of the Russian history of ideas is the text, the title of which has been chosen as the topic of this issue. The essay "Byzantism and Russia" can be viewed both as a reflection of the ideological and political agenda of the late 19th century, and as a landmark in the centuries-old dispute over the historical path of Russia, where the last point has not yet been put. On this anniversary we propose to reflect on the eternal questions, the comprehension of which are prompted by the insights and warnings of two Russian prophets: the "Byzantine vector" of Russian history and its interpretation in Russian historiosophy and social thought; the place and significance of the heritage of the Byzantium in the culture, ideology, political and legal traditions of Russia; the inspiring motives and dangerous temptations of doctrines and concepts, derived from the idea of Byzantine heritage; the extent to which these ideas can be relevant today, and to what extent we remain hostage to their misinterpretations.

Keywords: Byzantium, Byzantine Commonwealth, Byzantine heritage, Divine election, New Jerusalem, Cyril and Methodius tradition, Horde heritage, Eurasianism.

Discussion questions:

1. The concept of the “Byzantine Commonwealth”, which has firmly entered into scholars’ usage with a helping hand from of D. Obolensky, is understood as a meta-ethnic community formed under the auspices of the Roman Empire and the omophorion of Orthodoxy. However, if the fact of the existence of this “family of peoples” is not denied by historians, the measure of Russia’s involvement in its body remains a subject of intense debate. How organically did Rus’ come into the “Byzantine Commonwealth”, and if the degree of its involvement into this political and cultural space was, as many historians suppose, incomparable with other regions of the Orthodox Oecumene, why did Russian bookishness give rise to the largest number of concepts of “Byzantine heritage” in comparison with other countries of the imperial periphery?
2. British Russianist B.H. Sumner wrote: “Byzantium brought to Russia five gifts: her religion, her law, her view of the world, her art and writing”. How accurately does this reflect historical reality? Is it possible to show any other spheres, besides those listed, where the Byzantine influence took root? Was it equally profound everywhere, and which of two sides in this cultural transfer should be considered more active?
3. There were various cities-metaphors, besides Constantinople, among the images of the past and present, in which Russian scribes sought inspiration and saw an example to follow, that embodied the ideas of Divine election and sovereign greatness. Jerusalem, Babylon, Rome, and later the Russian capital cities of Kiev and Vladimir became such symbols at different times and in different circumstances. Is it possible to consider all these concepts as different variants of the same ideological tradition, between which there are more similarities than differences, or they are alternative options of the development of religious and political thought in medieval Rus’?
4. Historians and philosophers of the Eurasianist circle for the first time advanced the thesis that Moscow, claiming the status of the “New City of Constantine”, was in fact more a hair of the Horde, but not of Byzantium. How true is this statement?
5. What is the significance of the “Byzantine heritage” for Russian history and culture in the long term, on the scale of *longue durée*? Can it be reduced, in a manner of Chaadaev’s formula of *la miserable Byzance*, exclusively to alienation from the West, the triumph of inertia, political servility and hypocrisy? Or, on the contrary, should we admit that the phenomenally early, in comparison with the Slavic peoples who chose “Latinitas”, the start of the Russian (in a broad sense) ethno-cultural tradition is a direct consequence of entering, although indirectly – through the “Cyril and Methodius tradition” – into the Byzantine Oecumene? Finally, did the rapid assimilation of a huge amount of “Slavicized” cultural information pose a threat to the superficial perception of this heritage, not lived and suffered independently?

Discussants:

Emanov Alexander G., Doctor of Science (History), Professor, Tyumen State University.

Kirillov Andrey A., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Southern Federal University.

Dolgov Vadim V., Doctor of Science (History), Professor, Udmurt State University.

Gaidenko Pavel I., Doctor of Science (History), Professor, Moscow State Linguistic University, Professor, Bauman Moscow State Technical University.

Pikov Gennadiy G., Doctor of Science (History), Professor, Novosibirsk State University.

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220

УДК 930.85

ΒΥΖΑΝΤΙΝΗ ΤΑΞΙΣ И РУССКАЯ ПОЧВА¹

Еманов Александр Георгиевич

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

a.g.emanov@utmn.ru

Аннотация. Отвечая на вопросы дискуссии о византийском наследии в России, в качестве сущностной основы византизма мы выделяем идеологему «τάξις» («таксис», порядок, правильный строй, совершенное устройство государства и общества). Целью работы является выявление основных признаков такого порядка – прямое народоправство, верховный суверенитет народа, моральный авторитет правителя как радетеля за общее благо, справедливость, как защитника слабых; установление их соответствий в реалиях русского мира – народное общинное устройство, соборность, самодержавие, самостоятельность и самоуправление региональных и локальных сообществ. Новизну исследования составляет наблюдение о синтезе византийских и русских традиций навигации, о формировании особой гибридной практики навигации, легко адаптировавшейся к речным, озерным и морским условиям, южным и северным акваториям. Статья опирается на разнообразные византийские и средневековые русские источники; привлекаются «Изложение пасхалии» Зосимы Брадатого 1492 г., «Послание Великому князю Василию» Филофея Псковского старца 1524 г., «Повесть и взыскание о граде сокроленном Китеже» и др.

Ключевые слова: византизм, византийское наследие, византийский таксис, Зосима Брадатый, Псковский старец Филофей, Димитрий Годунов, град Китеж, Беловодье.

Цитирование: Еманов А.Г. Βυζαντινή τάξις и русская почва // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 210–220. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220 / Emanov A.G. Βυζαντινή Τάξις and Russian Ground, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 3. Pp. 210–220. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220.

© Еманов А.Г., 2023

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-28-01592.

BYZANTINĪH TĀΞIS AND RUSSIAN GROUND¹

Emanov Alexander G.

Tyumen State University,
Tyumen, Russia
a.g.emanov@utmn.ru

Abstract. In order to answer questions put in the discussion concerning Byzantine heritage in Russia an ideologeme of “taxis”, the order, the right system, the perfect state’s and society’s constitution, as an essential basis of byzantinism is put forward. The paper aims to identify the traits of this order: the people’s rule and sovereignty, moral governor’s authority as the guardian of common good and the defender of the weak; to establish their correspondence to realities of the Russian world: the commonwealth’s organization, the conciliarity, the autocracy, the independence and self-government, regional and local communities. The novelty of the approach lies in the observation of the synthesis of the Byzantine and Russian traditions in navigating, on the formation of the special hybrid shipping’s practice successful adapted to rivers, lakes and seas. The article is based on the Byzantine and Russian sources; “Pascal canon” of the Metropolitan Zosima from 1492 year, the “Message to the Grand Duke Vasily” of the Elder Pskov Monastery Philotheus from 1524 year, the “Tale and punishment about the sacred town Kitezh”, and others are analyzed in details.

Keywords: Byzantinism, Byzantine heritage, Byzantine taxis, Zosima Bearded, Pskov elder Philotheus, Dimitry Godunov, town Kitezh, Belovodye.

¹ The research is funded by the Russian Science Foundation No. 23-28-01592.

Концепт «Византийское содружество», предложенный еще в 1971 г. профессором кафедры византологии Оксфордского университета Димитрием Оболенским (1918–2001) [Obolensky, 1971], стал достоянием мировой исторической науки. Однако его понимание весьма различается в западных и не сходных с западной интеллектуальных традициях.

Скажем, уже при переводе книги английского ученого, мыслившего в категориях Британского содружества как некоего образца, на русский язык появилась конъектура «содружество наций» [Оболенский, 1998], вынося на первый план проблемы национальных идентичностей тех территориальных сообществ, которые оказались под религиозным, политико-правовым и культурным влиянием Византийской империи.

Профессор департамента классической филологии Чикагского университета Энтони Кальделлис заявляет об отсутствии у византийцев осмысленной доктрины экуменизма и, стало быть, даже проблесков идеи панконстантинопольского содружества; единственное, что отыскивалось в сочинениях византийских интеллектуалов, это — унаследованный от Рима шовинизм [Kaldellis, 2013, p. 46].

Профессор факультета истории искусств Колледжа свободных искусств и социальных наук ДеПол в Чикаго Елена Бёк обращает внимание на слишком разнонаправленные векторы социокультурного обмена между Византией и народами Балкан, Причерноморья и Руси, исключительно сложную динамику развития стран Восточной Европы и Кавказа, что говорить о возможности формирования единого образа их существования — невозможно [Voesk, 2015, p. 11].

Директор Института общественных и гуманитарных наук имени Эрмарта Виттенбергского университета Кристиан Раффеншпергер предпочитает заявлять не о содружестве, а о «византийском идеале», которому следовали народы, даже враждебно настроенные к Византии, как болгарские ханы, а затем и цари, несмотря на длительную борьбу с Византией, равно как и сербские цари, претендовавшие на титул «василевса ромеев», и даже османские султаны, титуловавшие себя «кайсер-и Рум», как Мехмед II, штурмом взявший Константинополь [Raffensperger, 2017].

Президент Общества друзей Афонской горы Грэм Спик отвергает бесспорное превосходство Византийской империи, высший авторитет Константинополя и исключительно маргинальное положение периферии; напротив, он утверждает духовное превосходство провинции, в особенности монашеских общин Афонской горы, и если можно выявить какое-то содружество в циркумвизантийском мире, то оно могло быть только «афонским» [Speak, 2018, p. 5–6].

То есть в целом можно говорить о сдержанном переосмыслении этого идейного конструкта в последние годы.

Уровень самостоятельности России в отборе и оценке византийского достояния, адаптировавшегося к запросам российского общества определенного этапа его развития, сегодня видится гораздо выше, нежели еще четверть века назад.

И все же, действительно, российская интеллектуальная культура сохранила невероятное богатство концепций «византийского наследия» [Корневский, 2021, с. 9–23; 2022, с. 214–233]. Здесь – и идеи митрополита Московского Зосимы Брадатого конца XV в. [Зосима, 1492, с. 49–50] о царе Иване III как новом Константине, и о Москве как новом Константинополе, и осознанная градостроительная программа преобразования столицы того же царя, строительства нового кремля как резиденции самодержца, закладки Красной площади как места меморизации наиболее значимых побед правителя, возведения Спасских врат как триумфальной арки государя-победителя над врагами ортодоксии. Здесь – и прозрения старца Псковского монастыря Филофея первой четверти XVI в. [Филофей, 1524, с. 283] о Московии как новом Третьем Риме и о Московском царе как правителе всех православных христиан, и формула «Москва – Третий Рим» в «Псалтири» Дмитрия Годунова конца XVI в. [Псалтирь, 1594, л. 4], и «греческий проект» Екатерины II [Екатерина II, 1782, с. 290–291] отвоевания Стамбула у турок, восстановления Константинополя, Византии и возведения на трон ее внука Константина. Здесь – и западническая, и славянофильская версии «византийского наследства» в судьбах России. Странники первой, как Петр Чаадаев [Чаадаев, 1906, с. 12], его клянут за деспотизм правителя и рабство подданных, за косность жизни и чуждость развитию, за непреодолимую бюрократию и растленность разума, за то, что Россия, приняв греческое вероисповедание, поставила себя вне Запада и Востока, вне развития цивилизации и культуры. Последователи второй, как Федор Тютчев [Тютчев, 1868, с. 125, 128–129], превозносят его за чистоту веры, высоту морального долга правителя как защитника всех славян, за то, что Россия, восприняв византийское духовное строение, оказалась единственной, способной противостоять демоническому давлению как Запада, так и Востока. Здесь – и развернутые историософские конструкции византизма как особого типа культуры, которому принадлежала Россия и который определяли православие, самодержавие, народное общинное устройство и консерватизм, как у Константина Леонтьева [Леонтьев, 1876], или византизма как пагубы мира от упоения самодержавной властью, безволия церкви, пассивности и рабского смирения масс, как у Владимира Соловьева [Соловьев, 1896]. Между этими крайними полюсами размещалось широкое поле углубленной метафизической рефлексии Павла Флоренского [Флоренский, 2001, с. 460], Сергия Булгакова [Булгаков, 1993], Георгия Флоровского [Флоровский, 1937] о византинизме как идеале, равновесии между общим и частными интересами, не покорении мира, а служении ему, чему Россия оказалась не в силах соответствовать, по сути, изменила этому призванию свыше.

Почему же столь интенсивно продуцировались все новые и новые доводы «за» и «против» «византийского наследия» в русской интеллектуальной культуре? Дело в том, что только русский мир оказался способным адаптировать основу основ византинизма, то, что византийскими интеллектуалами определялось понятием «τάξις» («таксис», то есть правильный строй, справедливый порядок, совершенное устройство государства и общества) [Епанов, 2005, р. 82]. Его характерными признаками были шедшие от античного прошлого традиции прямого народоправства,

непосредственного участия народа в делах общества, убеждение в верховном суверенитете народа, в том, что «*Vox populi vox Dei est*»; представления о государе как лучшем гражданине, избранном народом за его моральное превосходство, высокие нравственные качества, способность возвыситься над личными и групповыми пристрастиями и действовать в интересах общего блага. Такой порядок осмыслялся как построение «воинства Христова» во главе с помазанником Божиим – императором ради завоевания Царствия Божия. Самодержец воспринимался агонотетом, третейским судьей, разбиравшим по справедливости споры между подвластными народами; он был филантропом, заботившемся об образовании, здравоохранении, попечении стариков. Во времена Ивана IV Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, когда в состав России вошли бескрайние земли Сибири, все эти принципы вполне проявлялись в роли Земских соборов, церковной соборности, в приобщении к управлению авторитетных лидеров всех подвластных народов, в особой роли правителя, призванного защищать слабых, брать под свою опеку всех беззащитных, всех обездоленных. России удалось достичь того, чего не смогли добиться ни Римская, ни Византийская империи – адаптировать в свой состав на равных кочевые и полукочевые народы, уральцев, тюрков, угров, самодийцев, алтайцев, монголов и др. По мере роста национального самосознания на периферии русского мира: у народов Центральной Азии, Кавказа, Крыма, Юго-Восточной Европы, Балкан, Пелопоннеса, Балтии – возникло естественное стремление искать защиты от подавлявших их геополитических сил, Османской и Габсбургской империй, именно у России. Российские правители, даже самые значительные, не всегда соответствовали этому призванию, отмеченному идеалу. Петр I Великий отказался от самого значимого принципа совершенной империи – формирования войска исключительно из числа свободных: именно он начал рекрутировать в армию крепостных, с чем в повседневную армейскую жизнь вошли телесные наказания, публичные порки, отмененные только в ходе Революции 1917 г.; он создал чрезмерный бюрократический аппарат, чем способствовал чудовищной коррупции, устранил региональное и локальное разнообразие, введя начала чиновничьей унитарности и стандартизации, отменил соборность и автономию церкви. Александр I вообще отказал в помощи грекам, сдал православную Галицию Габсбургам. То есть сами менявшиеся политические реалии в поствизантийском, циркумроссийском пространстве XIX–XX вв. делали актуальными все новые и новые реинтерпретации византийского наследия.

Мысль профессора кафедры балканской и русской истории Эдинбургского университета Бенедикта Самнера о пяти дарах Византии, предоставленных России [Sumner, 1943, p. 168], получила в свое время широкое признание. Сегодня их понимание видится заметно тоньше. Как будто Русь приняла те же догмы и те же каноны, что были действительны в Византии, но они стали пониматься и толковаться иначе [Griffin, 2019]. Литургия с самого начала была переведена со среднегреческого языка на церковнославянский, и сам перевод способствовал непониманию, казалось бы, привычных фраз. Церковнославянская «Библия» включала «Третью книгу Ездры», каковой не было в византийской «Септуагинте», но не содержала «Четвертой книги Маккавеев»,

почитавшейся византийцами. Не удивительно, что стали утверждаться иные церковный праксис, ритуалы, отправления таинств, отношение священников к мирянам. В России из-за особенностей климата не могла прижиться сиеста; по той же причине были заведены подставки для свечей перед иконами, свечные лавки размещены в храмах; литургия была заметно длиннее, не обставлялась стасидиями (креслами) для игуменов, певчих, других участников службы, требовала большей выносливости; крестный ход был скромнее, ограничивался обходом вокруг храма, обходился без сожжения чучела Иуды. Считалось особым украшением литургии пение хора женщин, что было неприемлемо в Византии. Русские священники носили более дорогие, усыпанные драгоценными камнями кресты, практиковали сборы пожертвований в ходе богослужения. Отличалась и священническая одежда, она была более теплой в зимний сезон, камилавки были без полей, ярких цветов – красного, фиолетового и синего, тогда как в Византии – только черного. Митрополит считался выше архиепископа, тогда как в Византии наоборот.

Нормы византийского права так и вовсе не были заимствованы в России [Чемринская, 2004, с. 4]; можно говорить лишь об их косвенном влиянии, поскольку в ходе перевода они активно перерабатывались и изменялись до неузнаваемости, приспособляясь к региональным и локальным обычаям.

Касательно роли византийского наследия в формировании русского искусства бытовали два диаметрально противоположных видения: согласно одному, Русь была глухой провинцией Византии и слепо копировала ее образцы; согласно другому, Русь была достаточно эмансипирована от Византии и способна была выработать свое собственное искусство [Beamfield, Velimirovic, 1991]. На деле, имели место разнонаправленные тренды: как схождения, так и расхождения, как разрывов контактов, так и их восстановления, живого отклика на одни явления искусства и умолчания других. В X–XI вв. в княжеских центрах – Киеве, Чернигове, др. – наблюдалось активное воспроизведение византийских форм в архитектуре (нефы, хоры, паруса, нарфики, сводчато-купольные перекрытия, мозаики). Однако в XII–XIII вв. византийское влияние сходит на нет, утверждаются башнеподобные конструкции храмов, свойственные региональной архитектуре. В XIV–XV вв. были выработаны национальные русские столпообразные и шатровые формы храмовых построек. В иконографии византийский канон доминировал дольше, но и он стал затем перелицовываться так, что приобретал совсем иные краски и визуальные акценты.

Если же пытаться выделять иные сферы, где византийское влияние дало позитивные результаты, то следовало бы сказать о навигации. Речь идет о неocenенном синтезе опыта освоения водных пространств скандинавами, пришедшими на Восточно-Европейскую равнину под именем «русов», с византийской техникой мореплавания, в результате чего на основе византийских скафидионов, расширенных ботов, памфил, легких гребных судов, каравий, рыболовецких баркасов, акатий, удлиненных барок, моноксил, лодок-однодревок [Еманов, 2023, с. 1108] появились универсальные средства плавания по озерам, рекам, морскому мелководью и даже в открытом море. В них сочетались круглые конструкции корпуса, свойственные

судоостроительной технике русов, с уключинами для больших и тяжелых весел, рулями и румпелями, отличавшими корабельные технологии ромеев, квадратные паруса скандинавов с треугольными парусами византийцев. Такие суда могли ставиться на колесные рамы и переправляться из одной акватории в другую. То есть круглые суда с гибридной весельно-парусной оснасткой в зоне византийско-русского пограничья появились много раньше, нежели они стали доминировать в Средиземноморье в эпоху революции в навигации XIII в. К тому же они оказались пригодными для использования в водах с экстремальными ледовыми условиями.

Не стоит забывать, что вплоть до календарной реформы Петра I Россия жила по византийскому летосчислению от Сотворения мира. В России получили распространение способы расчета вечного календаря в форме «Руки Дамаскина», неосознанные элементы которых до сих пор используются по согнутой в кулак руке, по суставным косточкам и впадинам для определения месяцев в 31 и 30 дней.

Символы святых градов были весьма жизненны в России. Иерусалим – первый среди них. Неподалеку от Москвы, в Истре, патриархом Никоном в 1656 г. был основан «Новый Иерусалим» в виде Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, где были свои храм Гроба Господня (Воскресенский собор), горы Сион, Фавор, Вифания (женский монастырь), там были крипты Елены и Константина с копиями кресел матери основателя Византии и его самого, копии надгробных плит Адама, Мелхиседека, первого иерусалимского иерарха, освободителей Иерусалима от неверных в ходе Первого крестового похода, первых иерусалимских королей.

Но в русской культуре циркулировали и альтернативные мифы совершенных градов. И здесь надобно вспомнить не столько Киев или Владимир, сколько Китеж. Известна восходящая к XVII в. «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» [Повесть..., 1936], который сохранил свою чистоту и незапятнанность, погрузившись на дно озера Светлояр, скрывшись от нашествия монголов. Это было – совершенное, идеальное пространство, где торжествовали справедливость, свобода и полная гармония. Светлояр генетическая память русских отыскивала около Нижнего Новгорода. Должно быть, не случайно спасение России от бедствий смутного времени пришло из этого региона.

Русское сознание вообще стремилось к выходу за пределы сковывавших волю городов с их тесными границами крепостных стен, иерархией, разительным контрастом начальствующих и подчиненных, богатых и бедных. Еще более радикальной альтернативой всяким сакральным городам был миф о Беловодье, бескрайней земле, лежавшей на Востоке, за Уральскими горами, где наслаждались вольной жизнью сильные и самодостаточные люди. Та же генетическая память русских соотносила Беловодье с Сибирью. И именно эта земля дала спасителей от катастрофы первых пяти месяцев Великой Отечественной войны.

Мысль евразийцев о наследовании Россией не столько византийской, сколько зотоордынской государственности, требует как минимум соотнесения со сложным

полиэтническим, мультикультурным контекстом эпохи. Русская полития, впрочем, как и золотоордынская, складывалась в пространстве Восточно-Европейской равнины, которую еще называют Русской, где в Средние века взаимодействовали самые разные этносы, самые разные языки и культуры: германские (русы), балтийские (литовцы), славянские (поляне, словены, кривичи, др.), иранские (аланы), финно-угорские (весь, меря, мурома, вятичи, др.), тюркские (хазары, болгары, кипчаки, татары), уральские, алтайские, монгольские. Каждый из них внес свою лепту в формирование исключительно богатой русской культуры. Русы принесли с собой начала княжеской власти, дружинной военной организации, нормы права, составившие ядро «Русской правды» с характерным принципом виры, типично германским, традиции круглого судостроения и навигации под квадратным парусом. Литовцы славились вышивкой. Славяне изобрели плуг, перенятый потом германцами, но под славянским словом «рflug», ткали лучшие льняные ткани. Финно-угры разработали множество способов рыбной ловли, охоты, бортничества. Аланы владели высокохудожественной обработкой металлов, техникой эмали, зерни, скани. Тюрки превосходили всех в коневодстве, в обработке кож, первыми стали использовать кроеную одежду, штаны, рубахи, пуговицы. Вклад монголов тоже нельзя недооценивать. С ними в русскую культуру вошли такие понятия, как «деньги», «таможня», «дорога» и др. Что касается государственности, то здесь, помимо славянского и северогерманского (скандинавского) наследия, сказались византийские и золотоордынские традиции. Скажем, русский титул «царь», конечно же, воспринят из Византии, от титулования «*καῖσαρ*», а оно – от древнеримского «*caesar*». Однако «шапка Мономаха», головной убор царя, являлась произведением не византийского, а золотоордынского искусства [Еманов, 2022, с. 160–163]. Масштаб русской культуры отнюдь не умаляется, а, напротив, возрастает от признания как византийского, так и золотоордынского наследия. Какая доля оказалась более весомой? Историческая наука не знает весов, позволяющих их измерить.

В целом византийское наследие на протяжении веков активно воспринималось в русской среде, интенсивно перерабатывалось, адаптировалось, выверялось в соответствии с традициями самых различных народов российского мира, с запросами региональных и локальных сообществ. Оно служило и служит для осознания особого статуса и назначения России в глобальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Булгаков С. У стен Херсониса. Санкт-Петербург: Дорваль; Лига; Гарт, 1993. 160 с.

Екатерина II [Императрица и Самодержица Российская]. Письмо Иосифу II [Императору Священной Римской империи]. [Санкт-Петербург], 10 сентября 1782 // *Русский архив*. 1880. Кн. I. С. 281–291.

Еманов А.Г. Небесный Иерусалим, или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 734 с.

Еманов А.Г. Рóсия и циркумросская политосфера X в. // *Questio Rossica*. 2023. Vol. XI. № 3. С. 1101–1110.

Зосима, Московский митрополит. Изложение пасхалии [1492]. Текст, пер., комм. И.А. Тихонюк // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.* Москва: Ин-т ист. СССР АН СССР, 1986. С. 45–62.

Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // *Исторический курьер*. 2021. № 6(20). С. 9–28.

Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // *Исторический курьер*. 2022. № 4(24). С. 214–233.

Леонтьев К. Византизм и славянство. Москва: Имп. Об-во ист. и древностей российских при Московском ун-те, 1876. 132 с.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. Москва: Ладомир, 1998. 655 с.

Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеж. Текст, пер., комм. В.Л. Комаровича // *Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд*. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. С. 167–173.

Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. Москва, 1594. 474 л.

Соловьев В. Византизм и Россия // *Вестник Европы*. Санкт-Петербург, 1896. Г. XXXI. Т. II. № 4. С. 787–808.

Тютчев Ф. Стихотворения. Москва: Типогр. А.И. Мамонтова, 1868. 255 с.

Филофей, Псковский старец. Послание Великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блюде [1524]. Подгот. текста, пер. и комм. В.В. Колесова // *Библиотека литературы Древней Руси*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. Т. IX. С. 283–287.

Флоренский П. Православное христианство и культ. Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 665 с.

Флоровский Г. Кризис русского византизма // *Пути русского богословия*. Париж: Утса-Press, 1937. С. 1–29.

Чаадаев П. Философические письма. Казань: Типогр. Д.М. Иран, 1906. 74 с.

Чемеринская В.В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв.: опыт сравнительного анализа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2004. 26 с.

Beamfield W., Velimirovic M. *Christianity and the Art in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 266 p.

Boeck E. *Imagining the Byzantine Past: the reception of History in the illustrated Manuscripts of Skylitzes and Manasses*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 314 p.

Emanov A. Les paradigms de la culture byzantine et la Russie post-byzantine // *Chroniques slaves*. Grenoble. 2005. № 1. Pp. 81–90.

Griffin S. *The liturgical Past in Byzantium and Early Rus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 133 p.

Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 304 p.

Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.

Raffensperger Ch. *Portraits of Medieval Eastern Europe, 800–1300*. New York: Routledge, 2017. 234 p.

Speak G. *A History of the Athonite Commonwealth: the spiritual and cultural Diaspora of Mount Athos*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 294 p.

Sumner B.H. *A short History of Russia*. New York: Reynal and Hitchcock, 1943. 469 p.

REFERENCES

Bulgakov S. *U sten Khersonisa* [At the Walls of Chersonis]. St.-Peterburg: Dorval'; Liga; Gart, 1993. 160 p. (in Russian).

Ekaterina II [Imperatriza i Samoderzhitsa Rossiyskaya] [Empress and Sovereign of Russia]. Pis'mo Iosifu II [Letter to Joseph II] [Imperatoru Svyatschennoy Rimskoy imperii] [To the Holy Roman Emperor]. [St.-Peterburg], 10 sentyabrya 1782, in *Russkiy arkhiv*. 1880. Kn. 1. Pp. 281–291 (in Russian).

Emanov A.G. *Rosia i zircumrosskaya politosfera* [Rhosia and circumrhosian polytosphere X century], in *Questio Rossica*. 2023. Vol. XI. No. 3. Pp. 1101–1110 (in Russian).

Emanov A.G. *Nebesny Ierusalim ili Vavilon: vybor sud'by srednevekovoy Kafy / Feodosii* [The celestial Jerusalem or the Babylon: the Fate of medieval Caffa's / Feodosia's]. St.-Peterburg: Aleteya, 2022. 734 p. (in Russian).

Zosima, Moskovsky mitropolit [Moscow Metropolitan]. Izlozhenie paskhalii [Pascal Canon] [1492]. Text, transl, comm. I.A. Tikhonyuk, in *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR XIII–XVIII vekov*. Moscow: Institute of USSR's History at Academy of Sciences USSR, 1986. Pp. 45–62 (in Russian).

Korenevskiy A.V. Ideologema otlozhennogo sprosa, ili skol'ko ras "izobretali" teriyu "Moskva – Tretiy Rim"? [The ideologeme of deffered Demand, or how many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" was "invented"?], in *Historical Courier*. 2021. No. 6(20). Pp. 9–28

Korenevskiy A.V. Ideologema otlozhennogo sprosa, ili skol'ko ras "izobretali" teriyu "Moskva – Tretiy Rim"? [The ideologeme of deffered Demand, or how many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" was "invented"?], in *Historical Courier*. 2022. No. 4(24). Pp. 214–233 (in Russian).

Leontyev K. *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University, 1876. 132 p. (in Russian).

Obolensky D. *Vizantiyskoe sodruzhestvo naziy. Shect' vizantiyskikh portretov* [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow: Lodomir, 1998. 655 p. (in Russian).

Povest' i vyzskanie o grade sokrovennom Kitezhe [Tale and punishment about the sacred town Kitezhe]. Text, trans., comm. by V.L. Komarovich, in Komarovich V.L. *Kitezjskaya legenda: opyt izucheniya mestnykh legend* [The Kitezhe Legend: Experience of studying local legends]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR, 1936. Pp. 167–173 (in Russian).

Psaltyr' litsevaya D.I. Godunova [Face Psalter by D.I. Godunov]. Moscow, 1594. 474 l. (in Russian).

Solovyev V. Vizantizm i Rossiya [Vizantism and Russia], in *Vestnik Evropy*. 1896. An. XXXI. Vol. II. No. 4. Pp. 787–808 (in Russian).

Tyutchev F. *Stikhotvoreniya* [Poetry]. Moscow: Typograph of A.I. Mamontov, 1868. 255 p. (in Russian).

Philotheus. *Poslanie Velikommu knyazyu Vasiliyu* [Message to the Grand Duke Vasily] [1524]. Text, trans. and comm. by V.V. Kolesov, in *Bibliotheca of Literature of Old Russia*. St.-Peterburg: Science, 2000. Vol. IX. Pp. 283–287 (in Russian).

Florenskiy P. *Pravoslavnoe khristianstvo i kult* [Orthodox Christianity and Cults]. Moscow: AST; Kjarokv: Folio, 2001. 665 p. (in Russian).

Florovskiy G. Krisis russkogo vizantinizma [The Crisis of Russian Byzantinism], in *Puti russkogo bogosloviya*. Paris: Ymca-Press, 1937. Pp. 1–29 (in Russian).

Chaadaev P. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical letters]. Kazan: Typograph D.M. Iran, 1906. 74 p. (in Russian).

Chemerinskaya V.V. Vliyanie vizantiyskogo prava na drevnerusskoe i rossiyskoe zakonodatelstvo X–XVII vv.: opyt sravnitel'nogo analiza [Influence of Byzantine Law on Old Russian and Russian Legislation of 10th–17th Centuries: Experience of comparative Analysis]: thes. Moscow: Moscow State Law Academy, 2004. 26 p. (in Russian).

Beamfield W., Velimirovic M. *Christianity and the Art in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 266 p.

Boeck E. *Imagining the Byzantine Past: the reception of History in the illustrated Manuscripts of Skylitzes and Manasses*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 314 p.

Emanov A. Les paradigms de la culture byzantine et la Russie post-byzantine, in *Chroniques slaves*. 2005. No. 1. Pp. 81–90.

Griffin S. *The liturgical Past in Byzantium and Early Rus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 133 p.

Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 304 p.

Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.

Raffensperger Ch. *Portraits of Medieval Eastern Europe, 800–1300*. New York: Routledge, 2017. 234 p.

Speak G. *A History of the Athonite Commonwealth: the spiritual and cultural Diaspora of Month Athos*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 294 p.

Sumner B.H. *A short History of Russia*. New York: Reynal and Hitchcock, 1943. 469 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-221-229

УДК 930.85

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ: СЦЕНАРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Кириллов Андрей Александрович

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия

aakirillov@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, формирующих дискуссию вокруг проблемы «Византизм и Россия», сюжетным оформлением выступает последовательность разбора описательных конструкций, введенных в оборот Д.Д. Оболенским — «Византийское содружество», концепция «культурных даров Византии», представленная Б.Х. Самнером. Особое внимание уделяется анализу перспективности использования данных концептуальных построений и применимость их к российской культурной среде. В тексте рассматривается перспектива исследования особенностей восточно-христианской цивилизации на основе терминологического конструкта — «византийское наследие» и «пост-Византия». Вопрос о природе и специфике «поствизантийской реальности» формулируется посредством актуализации в культурном поле социального и исторического воображения, лежащего в основе научных, философских и литературных представлений о «византийской реальности». Уделяется особое внимание «литературной фазе» или «книжному интересу», формирующему последовательность конструирования в историческом воображении представление о «византийском наследии».

Ключевые слова: Византийское наследие, Византия и пост-Византия, восточно-христианская цивилизация, историческое воображение, социальное воображение.

Цитирование: Кириллов А.А. Византийское наследие: сценарии конструирования исследовательского поля // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 221–229. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-221-229 / Kirillov A.A. Byzantine Heritage: Scenarios for the Construction of a Research Field, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 3. Pp. 221–229. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-221-229.

© Кириллов А.А., 2023

BYZANTINE HERITAGE: SCENARIOS FOR THE CONSTRUCTION OF A RESEARCH FIELD

Kirillov Andrey A.

Southern Federal University,

Rosotv-on-Don, Russia

aakirillov@sfedu.ru

Abstract. The article examines a number of issues that form the discussion around the problem of "Byzantism and Russia", the plot design is the sequence of analysis of descriptive constructs introduced by D.D. Obolensky – "The Byzantine Commonwealth", the concept of "cultural gifts of Byzantium", presented by B.H. Sumner. Particular attention is paid to the analysis of the prospects of using these conceptual constructions and their applicability to the Russian cultural environment. The text considers the prospect of studying the features of Eastern Christian civilization on the basis of a terminological construct – "Byzantine heritage" and "post-Byzantium". The question of the nature and specifics of the "post-Byzantine reality" is formulated through the actualization in the cultural field of the social and historical imagination underlying scientific, philosophical and literary ideas about the "Byzantine reality". Special attention is paid to the "literary phase" or "book interest", which forms the sequence of constructing the idea of the "Byzantine heritage" in the historical imagination.

Keywords: Byzantine heritage, Byzantium and post-Byzantium, Eastern Christian civilization, historical imagination, social imagination.

Рассмотрение описательных возможностей концепта «Византийское содружество» и глубины вовлеченности в данное «содружество» Древней Руси будет напрямую зависеть от тех задач, которые данный концепт выполняет в историческом поведении Д.Д. Оболенского [Obolensky, 1971; Оболенский, 1998]. Содержательное наполнение данного концепта может быть лаконично сведено к конструированию в историческом воображении удобного в своем понимании, применении «наднациональной» общности христианских государств, в которой Константинополь был центром, а воображаемое единство этой общности проистекало из общности православной веры и идеи кратического верховенства константинопольского императора. Фундаментом существования данного содружества выступает усвоение и адаптация народами Балкан и Восточной Европы византийской художественной, интеллектуальной и политико-правовой культуры. Как остро и критично в то время, сразу после выхода в свет книги Д.Д. Оболенского, замечали наши советские историки-византисты А.П. Каждан [Каждан, 1973] и Г.Г. Литаврин [Литаврин, 1972, с. 180–185], автор диссертации «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.)», что география данного содружества может быть расширена, иерархия соподчиненности скорее является желаемой, нежели фактической, а реальные интересы представителей «византийского содружества» диаметрально противоположны. Последнее дает нам основание увидеть в содержании рассматриваемого концепта действие «идеологического аргумента», или «идеологической имплицатуры», описанной Х. Уайтом в его «Метаистории», которая понимается как отражение этического элемента в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов, извлекаемых из изучения прошлого. То есть «византийское содружество наций» у Д.Д. Оболенского является результатом «сети предписаний», необходимых для занятия определенной позиции в поле социальной практики и действий, соответствующих этим предписаниям. Феномен исторического воображения, привязанный к конкретной историко-археологической, искусствоведческой и архитектурной ситуации, представляет собой актуальный интерес и исследовательскую перспективу, так как выводит нас за рамки литературного вымысла и поэтического символизма, художественных образов и поэтических фантазий. Как отмечал не раз Х. Уайт, в случае с историческим воображением исследователи имеют дело не с фрагментами реальности или ее объективированной проекцией, а с дискурсивными практиками, обеспечивающими эффект правдоподобия – воображение в работе историка вступает в действие на последней стадии его труда, когда становится необходимым обозначить логику рассуждений или составить нарратив, в которых и репрезентировать свои изыскания [Уайт, 2002].

Анализ феномена исторического воображения и практики производства исторического знания как исследовательского поля для конструирования «византийской реальности» направлен на выявление факторов и обстоятельств, при которых религиозные убеждения и мировоззренческие установки оказывают кардинальное влияние на социальные пропозиции и историческое самосознание, корректируют культурную идентичность или конфессиональную индифферентность. Аналитическая специфика использования термина «византийская реальность» может быть эпистемологически оправдана в контексте уже полувековой (с момента введения в

научный оборот) исторической традиции применения к данному культурному региону ретроспективной конструкции «византийское содружество». Д.Д. Оболенский, сконструировав данное понятие, применял его исключительно к регистру «прошлого времени». В его понимании «византийское содружество» представляло собой «наднациональную общность» (supranational community [Obolensky, 1971, p. 277]), которая сформировалась на основании общности православного вероисповедания, ромейского государственного патриотизма, на эллинофильских культурных установках, этических и эстетических пристрастиях «византийского вкуса», интеллектуальной традиции восточно-христианского богословия. В этой связи вопрос дискуссии о мере включенности Руси в политическое и культурное пространство «Византийского содружества» можно попробовать решить с помощью рассмотрения динамики формирования не только «византийской реальности», но и «пост-византийского» культурного ландшафта.

Совершенно верным и чрезвычайно продуктивным в данной дискуссии является вопрос о роли «русской книжности», которая «...породила наибольшее, в сравнении с иными странами имперской периферии, число концепций “византийского наследия”». Продуктивный контр-пример формирования объема концепций «византийского наследия» и «пост-византийского пространства» в османской (турецкой) традиции, актуально нам демонстрирует не только выработку линии на идеологию преемственности политической и исторической (Qayser-i Rûm), значимую до середины XVII в., но и первичную необходимую адаптацию носителя сознания «имперской периферии» к византийской книжной традиции. Если систематично посмотреть на последовательность адаптационных фаз конструирования «пост-византийского ландшафта» в османской традиции, они могут выглядеть как совокупность условных этапов культурной трансформации, разворачивающейся во времени и углубляющейся в пространстве:

- литературная фаза, или фаза «книжного интереса» (начиная с султана Мехмета II и переводов на османский язык «История Константинополя» и «История строительства Великой Церкви Святой Софии»);
- фаза коллекционирования, протоархеологическая;
- архитектурная фаза;
- археологическая фаза и музеефикация [Свистунова, 2019];
- научно-исследовательская фаза [Durak, 2014].

Примечательно, что именно литературная фаза или фаза «книжного интереса» выступает тут первичной и совершенно необходимой ступенью восприятия и адаптации «византийского наследия». «Новый книжный интерес» в России конца XV–начала XVI в. был ориентирован на легендарную текстуальную традицию, запечатленную в «Повести о белом клобуке», «Послании Спиридона-Саввы», Степенной книге, «Сказании о князьях владимирских», «Сказании о Вавилонском царстве». Именно этот книжный массив, по мнению И.А. Кириллова, способствовал

формированию Филофеем идеи «Москва – Третий Рим». Его книга «Третий Рим», изданная в 1914 г. и ныне редко упоминаемая [Кириллов, 1914], сыграла значительную роль в определении места данной теории в русской книжной традиции XV–XVI вв. [Синицына, 1998, с. 34]. Как отмечает Е.А. Бауэр, «И.А. Кириллов же, а вслед за ним В.Е. Вальденберг, Н.С. Чаев, О.В. Трахтенберг, В.С. Покровский причисляли идею “Москва – Третий Рим” (окрашенную, правда, в религиозные тона) к разряду государственно значимых, призванных отстаивать особое место России на международной арене» [Бауэр, 2007, с. 144–148].

Попробуем рассмотреть процесс «византинизации» сопредельного мира и то, как он воспринимался в самой Византии. Как необходимый процесс расширения духовных и физических границ империи, он сопровождался трансляцией на периферию церковной идеологии, богослужебной практики и литературы, архитектуры, приемов изобразительного и прикладного искусства, этики и эстетики. Перспективой этого процесса должно было стать полное поглощение, ойкуменизация всей земной действительности в «богооберегаемую империю». Эту перспективу точно обрисовал Иоанн Кантакузин, причем, что немаловажно, его суждение было высказано в письме московскому князю Сименону Гордому, который, как явствует из послания, придерживался того же мнения, что и василевс: «Да, царство ромеев и святейшая великая церковь Божия, как ты и писал, есть источник всякого благочестия и училище законодательства и освящения» [Кантакузин, 1987, стб. 26]. Византийцы были твердо уверены, что «по своей природе империя – владычица других народов» [Комнина, 1859, с. 391]. Если эти народы еще не христиане, то империя непременно должна просветить их и будет управлять ими, а если они уже христиане, то должны стать членами ойкумены, во главе которой стоит империя. Эта ойкумена представляет собой иерархическое сообщество христианских стран, и место каждого народа в ней может определить лишь ее глава – император. «Единый Бог – единый василевс – единая империя» – вот тот лозунг, под которым проходила и на что была направлена «всемирная византинизация».

Несомненно, что все перечисленные Б.Х. Самнером «пять даров Византии» имели место быть не только приносимыми, но и в определенной последовательности принимаемыми. Данная формула риторически верно отражает степень и глубину влияния, оказываемого византийской культурой не только на Россию, но и на многие иные сопредельные народы, общности и государства. За абстрактной формулировкой «взгляда на мир» скрывается важнейший компонент влияния «византийских даров» – интеллектуальная культура Византии [Ševčenko, 1981], ее философское, научное и техническое знание [Кущ, 2013], знание, которое продолжает оказывать мировоззренческое влияние на модели теоретического конструирования научной и философской картины мира. Глубина и обширность данного интеллектуального влияния [Поляковская, 1992] проявилась не только в России и на Балканах, но и в Западной Европе. Ее олицетворением стали выдающиеся византийские полигисторы-энциклопедисты и просветители Феодор Метохит, Николай Кавасила, Алексей Макремволит, Мануил Хрисолор, Виссарион Никейский, Иоанн Векк, Димитрий

Кидонис, Георгий Гемист Плифон [Куц, 2013]. Им обязана своим рождением знаменитая платоновская Академия во Флоренции. Через византийскую картину мира «греческая ученость» становится основой для возрождения в Европе философии и науки, ремесел и искусств.

Восточно-христианская цивилизация сегодня может быть рассмотрена как исходная византийская «культурная матрица» – «пост-византийское пространство» в существующих на данный момент ее дочерних культурных образованиях в Центральной и Восточной Европе [Steiris, 2020; The Problem of Modern Greek Identity, 2016] и, конечно же, в России. Важной и актуальной представляется исследовательская перспектива – выявление, фиксация и анализ стратегий и моделей, характерных для восточно-христианской цивилизационной традиции, направленных на ассимиляцию и адаптацию культурных заимствований, новаций и модернизаторских проектов. В центре такого исследовательского интереса находится рассмотрение и реконструкция исходных условий и характера социокультурных практик, сформировавших византийскую и «пост-византийскую» модели модернизации, глубина и степень культурно-исторического влияния, представленного в христианской идеологии обновления, осовременивания мира [Кузенков, 2007] и человека, реализованную в кратической модели автократии и апостасии [Stouraitis, 2023], как основания для динамичного социального устройства. Особый интерес представляет стратегия конструирования исторической памяти о «Византии», свойственной как восточно-европейским православным народам, сообществам и государствам, так и западным иноконфессиональным сообществам. Речь идет о родственной для Западного мира – «Гесперии», но все же глубоко автономной восточно-христианской цивилизации – «Византии», впервые в христианской истории явившей примеры ойкуменической модели власти. Анализ западных кратических практик и идеологий в отечественной гуманитарной литературе давно стал хрестоматийным сюжетом. В этой связи представляет интерес рассмотрение «иных» стратегий властвования, реализованных в параллельных культурных мирах. В частности, заслуживает особого внимания конституирующая роль кратических практик, канонизированных в Византии, и их влияние на конструирование базовых моделей византийской идентичности [Steiris, 2020], структуры персонального и социального опыта, мемуаративных практик, а также на специфическую организацию текстуального пространства византийской исторической традиции [Kaldellis, 2007].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бауэр Е.А. Теория «Москва – третий Рим» в трактовке И.А. Кириллова // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. Вып. 21. № 18(96). С. 144–148.
- Каждан А.П. D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. Аннотация/отзыв // *Византийский временник*. 1973. Т. 35. С. 261–262.

- Кантакузин И. Грамота князю Симеону Ивановичу // *Памятники древнерусского канонического права (Русская историческая библиотека. Т. 6)*. СПб.: Типогр. Импер. Академии наук, 1880. Стб. 26–30.
- Кириллов И.А. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М.: Т-во типо-литографии И.М. Машистова, 1914. 100 с.
- Комнина А. Алексиада. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.
- Кузенков П.В. Споры о возрасте мира в Византии VII–XI вв. (О трех мировых эрах: александрийской, «протовизантийской» и византийской) // *Византийский временник*. 2007. Т. 66. С. 93–124.
- Куц Т.В. Византийские интеллектуалы последней трети XIV–первой половины XV вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 2013. 518 с.
- Куц Т.В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 457 с.
- Литаврин Г.Г. Д. Оболенский. Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500–1453 (Рецензия) // *Вопросы истории*. 1972. № 2. С. 180–185.
- Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских М.: Янус-К, 1998. 653 с.
- Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов: три очерка. СПб.: Алетейя, 1998. 349 с.
- Свистунова И.А. Византийские исследования в Турции: история и современность. Культурологический журнал. 2019. № 3(37). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40 (дата обращения – 10 июня 2023 г.).
- Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Durak K. The Representation of Byzantine History in High School Textbooks in Turkey // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2014. Vol. 38. № 2. Pp. 245–264.
- Kaldellis A. *Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. 468 p.
- Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.
- Ševčenko I. *Society and Intellectual Life in Late Byzantium*. London: Variorum Reprints, 1981. 374 p.
- Steiris G. History and Religion as Sources of Hellenic Identity in Late Byzantium and the Post-Byzantine Era // *Genealogy*. 2020. Vol. 4. № 1. Pp.1–16.

Stouraitis Y. *Collective Identifications in Byzantine Civil Wars // War and Collective Identities in the Middle Ages: East, West, and Beyond*. Ed. by Yannis Stouraitis. Leeds: Arc Humanities Press, 2023. Pp. 99–116.

The Problem of Modern Greek Identity: From the Ecumene to the Nation-State. Ed. by G. Steiris, S. Mitralaxis, G. Arabatzis. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. 290 p.

REFERENCES

- Bauer E.A. Teoriya “Moskva – tretiy Rim” v traktovke I.A. Kirillova [The Theory “Moscow as the Third Rome” in Interpretation of I.A. Kirillov], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. Is. 21. No. 18(96). Pp. 144–148 (in Russian).
- Kazhdan A.P. D. Obolensky. *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. Annotatsiya/otzyv [The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. Abstract/review], in *Vizantiyskiy vremennik*. 1973. Vol. 35. Pp. 261–262 (in Russian).
- Kantakouzenos J. Gramota knyazyu Simeonu Ivanovichu [Charter to the Prince Simeon Ivanovich], in *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 6)*. St. Petersburg: Tipogr. Imp. Akademii nauk, 1880. Clm. 26–30 (in Russian).
- Kirillov I.A. *Tretiy Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiya idei russkogo messianizma* [The Third Rome. An Essay on the Development of Idea of the Russian Messianism]. Moscow: T-vo tipo-litografii I.M. Mashistova, 1914. 704 p. (in Russian).
- Komnene A. *Aleksyiada* [Alexiad]. St. Petersburg: Aleteya, 1996. 704 p. (in Russian).
- Kuzenkov P.V. Spory o vozraste mira v Vizantii VII–XI vv. (O trekh mirovykh erakh: aleksandriyskoy, “protovizantiyskoy” i vizantiyskoy) [Debates on the Age of the World in Byzantium in 7th–11th Centuries (About Three World Eras: Alexandrian, “Proto-Byzantine” and Byzantine)], in *Vizantiyskiy vremennik*. 2007. Vol. 66. Pp. 93–124 (in Russian).
- Kusch T.V. *Na zakate imperii: intellektual'naya sreda pozdnej Vizantii* [At the Decline of the Empire: The Intellectual Environment of Late Byzantium]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 457 p. (in Russian).
- Kusch T.V. *Vizantiyskie intellektualy posledney treti XIV–pervoy poloviny XV vv. Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Byzantine Intellectuals of the Last Third of 14th–the First Half of 15th Centuries. Doctoral Thesis]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 2013. 518 p. (in Russian).
- Litavrin G.G. D. Obolensky. *Vizantiyskoe soobshhestvo gosudarstv. Vostochnaya Evropa. 500–1453 (Recenziya)* [D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. (Review)], in *Voprosy istorii*. 1972. No. 2. Pp. 180–185 (in Russian).

Obolensky D. *Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov* [The Byzantine Commonwealth of nations. Six Byzantine Portraits]. Moscow: Yanus-K, 1998. 653 p. (in Russian).

Polyakovskaya M.A. *Portrety vizantiyskikh intellektualov: tri ocherka* [The Portraits of Byzantine Intellectuals: Three Essays]. St. Petersburg: Aleteya, 1998. 349 p. (in Russian).

Svistunova I.A. Vizantiyskie issledovaniya v Turtsii: istoriya i sovremennost'. *Kul'turologicheskij zhurnal*. 2019. No. 3(37). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40 (accessed 10 June 2023).

Sinitsyna N.V. *Tretiy Rim: istoki i evolyutsiya rusской srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Conception (15th–16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 416 p. (in Russian).

White H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Metahistory: The Historical Imagination in 19th-century Europe]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2002. 528 p. (in Russian).

Durak K. The Representation of Byzantine History in High School Textbooks in Turkey, in *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2014. Vol. 38 No. 2. Pp. 245–264.

Kaldellis A. *Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. 468 p.

Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.

Ševčenko I. *Society and Intellectual Life in Late Byzantium*. London: Variorum Reprints, 1981. 374 p.

Steiris G. History and Religion as Sources of Hellenic Identity in Late Byzantium and the Post-Byzantine Era, in *Genealogy*. 2020. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–16.

Stouraitis Y. Collective Identifications in Byzantine Civil Wars, in *War and Collective Identities in the Middle Ages: East, West, and Beyond*. Ed. Yannis Stouraitis. Leeds: Arc Humanities Press, 2023. Pp. 99–116.

The Problem of Modern Greek Identity: From the Ecumene to the Nation-State. Ed. G. Steiris, S. Mitralexis, G. Arabatzis. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. 290 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-230-239

УДК 930.85

«ВИЗАНТИЙСКИЕ ДАРЫ» РУСИ: СУДЬБА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИМПЕРИИ

Долгов Вадим Викторович

Удмуртский государственный университет,

Ижевск, Россия

dolgov@udm.ru

Аннотация. В статье рассматривается судьба «культурных даров», которые Русь, согласно мнению Б.Х. Самнера, получила от Византии. Английский историк называл пять «даров»: религию, законы, картину мира, искусство и письменность. В статье показано, что судьба этих даров в русском средневековом обществе была неодинакова. Наиболее полно и без радикальных трансформаций Русь восприняла религию, искусство и письменность. Несмотря на то, что с самых первых шагов развития на восточнославянской почве все эти элементы византийской культуры получили оригинальные черты, в целом они оказались востребованы: относительно полно и быстро укоренились на русской почве. Иная судьба постигла юридические и идеологические элементы византийского наследия. Разница между социально-политическим строем Византии и Руси исключала возможность использовать их сразу и непосредственно. Тексты, отражающие византийскую политическую картину мира (идея супрематии василевса и «Византийского содружества»), и тексты с законами («Прохирон», «Эклога» и пр.) долгое время не были востребованы на Руси в практической сфере. Они сохранялись как элементы религиозного и нравоучительного дискурса. Их влияние проявилось много позже и опосредованно – во времена Московской Руси.

Ключевые слова: Византия, Русь, культурное наследие, Кормчая, картина мира, Б.Х. Самнер, право, идеология, религия, православие.

Цитирование: Долгов В.В. «Византийские дары» Руси: судьба культурного наследия империи // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 230–239. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-230-239 / Dolgov V.V. "Byzantine Gifts" for Rus': The History of the Cultural Heritage of the Empire, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 230–239. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-230-239.

© Долгов В.В., 2023

“BYZANTINE GIFTS” FOR RUS’: THE HISTORY OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE EMPIRE

Dolgov Vadim V.

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia
dolgov@udm.ru

Abstract. The article deals with the history of “cultural gifts”. These “gifts”, according to B.H. Sumner, Rus’ received from Byzantium. The English historian called five “gifts”: religion, laws, world view, art and writing. The article shows that the history of these gifts in Russian medieval society was different. Rus’ accepted religion, art and writing without major transformations. All these elements of the Byzantine culture of the very first steps of development in the East Slavic territory received original features. They were in demand: fully and quickly rooted on Russian soil. A different fate befell the legal and ideological elements of the Byzantine heritage. The difference between the socio-political system of Byzantium and Rus’ ruled out the possibility of using them immediately and directly. Texts reflecting the Byzantine political picture of the world (the idea of the Suprematism of the basileus and the “Byzantine Commonwealth”) and texts with laws (“Prochiron”, “Eclogue”, etc.) were not in demand in Rus’ in the practical sphere for a long time. They were preserved as elements of religious and moralizing discourse. Their influence manifested itself much later and indirectly – during the time of Muscovite Rus’.

Keywords: Byzantium, Rus’, cultural heritage, Kormchaja, picture of the world, B.H. Sumner, law, ideology, religion, Orthodoxy.

В начальный круг положений для обсуждения в рамках дискуссии вынесена фраза британского профессора-русиста середины прошлого века Бенедикта Хамфри Самнера: «Byzantium brought to Russia five gifts: her religion, her law, her view of the world, her art and writing» [Sumner, 1944, p. 178]. Книга Самнера «Survey of Russian History» имеет обобщающий характер. В ней «широкими мазками» дан обзор ключевых событий и структур русской истории. В целом в качестве общей характеристики формулировка Самнера сомнений не вызывает. Однако в каждом из пунктов при более пристальном взгляде необходимыми окажутся оговорки и уточнения, которым и будет посвящена настоящая статья.

Дар первый – религия. Восточное православие как весьма жестко и прочно организованная система идеологических (в терминологии Б.Ф. Поршнева) конструкций, конечно, была воспринята Русью без каких бы то ни было изменений. Для обсуждения и оспаривания теологических тонкостей, которые долгое время составляли важную часть интеллектуальной жизни византийских элит, в новообращенной Руси не было ни подготовленных кадров, ни социально-экономических предпосылок. Кроме того, нужно принять во внимание, что на пастырское служение в варварские северные края из Константинополя предпочитали, видимо, отправлять не тонких интеллектуалов, имевших вкус к богословским исканиям, а суровых аскетов, лучше приспособленных к выполнению роли руководителей не слишком хорошо христианизированного восточнославянского населения. Поэтому система византийского православия была доставлена на Русь в нетронутой чистоте. Иногда на Русь долетали отзвуки религиозных споров, однако они даже не осознавались в качестве таковых, как не были отрефлексированы автором «Повести временных» лет» попавшие на страницы летописи богомильские сюжеты.

Однако почти всякая религия в традиционном обществе предполагает не только систему правильных воззрений – *ὀρθοδοξία*, но и повседневную религиозную практику, слагающуюся в систему надлежащего поведения. То, что в противоположность ортодоксии именуется *ὀρθοπραξία*. Доктринально ортопраксия для верующего человека не так важна, как правильная вера. Тем не менее, если рассматривать религию как культурный комплекс, то обе составляющих ее важны одинаково. На ортодоксальную систему воззрений на Руси до определенного времени никто не посягал, а вот система повседневной православной обрядности складывалась долго и трудно, пройдя в своем формировании цепочку смешанных культурных форм, получивших название «двоеверие». Концепция «двоеверия», в которой смешение христианских и языческих мотивов рассматривалось как отличительная черта русской религиозности, неоднократно подвергалась вполне обоснованной критике [Живов, 2002]. Тем не менее, фактом остается вполне осязаемое смешение христианских и языческих элементов, как минимум в погребальной обрядности населения периферийных районов Руси. Например, у кривичей трупосожжение с последующим захоронением останков в курганах держалось, по археологическим данным, до XII в. [Седов, 1982, с. 146–147]. Таким образом, понятие «русское православие» имеет смысл не только как обозначение

территориального подразделения восточной церкви, но и как характеристика специфической религиозной формы, которую обрел византийский «культурный дар», укоренившись на новой территории.

Кроме того, на византийской духовной основе Русь смогла выработать свой собственный тип святости, явленный почитанием невинно убиенных князей Бориса и Глеба. Жизнь братьев не отличалась особенными подвигами веры, но смерть явилась образом христианского непротivления, ставшего на целые столетия одним из базовых инвариантов русской духовной культуры. Пример молодых князей, не воспользовавшихся имевшимися у них силами для войны против брата и захвата престола, в наиболее понятном для вчерашних язычников виде представлял христианскую идею прощения, которая изначально могла показаться им нелепой и даже смешной, как она казалась смешной Святославу.

Вместе с тем, следует отметить, что именно религиозная связь между Византией и Русью вызывает менее всего сомнений.

Дар второй – законодательство. Византийское законодательство было, конечно, хорошо известно на Руси. Памятники византийского права в греческих оригиналах и в славянских переводах были привезены на Русь вместе с другими текстами, составившими «начальную библиотеку», послужившую стартовым багажом для развития собственной русской книжности. Однако насколько эти правовые тексты использовались для судопроизводства – вопрос до конца не решенный. Самнер пишет: «The adoption of Christianity increased the influence of Byzantine legal ideas, and parts of the civil and ecclesiastical law of the emperors were grafted on to Russian customary law» [Sumner, 1944, p. 177], что опять же может быть принято лишь в качестве самой общей формулировки. На Руси с момента принятия христианства получил известность славянский текст Кормчей (т.е. Номоканона). Он часто использовался русскими книжниками в литературной деятельности [Николаев, 2007], но, как явствует из древнерусских источников, даже в церковном суде Кормчую использовали мало. Об этом свидетельствуют «Определения» Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II. Изображенный в грамоте монолог Кирилла ясно демонстрирует, что в практической плоскости реального судопроизводства дела обстояли весьма печально: «Тем бо аз Кюрил, смиренны митрополит всея Роуси, многа оубо видением и слышанием неустроение церквах, ово сице държаща, ово инако, несъгласия многа и гроубости, или неустроением пастоушьским, или обычаем неразумия, или неприхожением епископ, или от неразумных правил церковных» [Определения владимирского собора..., 1894]. Митрополит высказывал надежду, что ситуация наладится с получением нового сербского перевода Кормчей, который, как считается, отличался от предыдущих наличием комментариев. Но как высказанные в общем виде сетования митрополита Кирилла, так и сам характер «определений» показывают, что по крайней мере в конце XIII в., спустя почти 200 лет после появления на Руси славянской Кормчей, ее установления не соблюдались даже в сугубо церковных вопросах.

В светском праве дело обстояло еще хуже (или лучше, зависит от точки зрения). Глубокие различия между византийским и русским законодательством были отмечены еще А.К. Бенеманским, который в своем исследовании судьбы «Закона градского», т.е. Прохирона (руководства для византийских судей, составленного при императоре Василии I Македоняnine), в контексте отечественного права пришел к выводу, что практического применения этот сборник на Руси не имел в силу различного уклада жизни империи ромеев и домонгольской Руси [Бенеманский, 1917, с. 116]. Кардинально отличалось наследственное право [Дювернуа, 1869, с. 327–328], иначе реализовывались наказания за преступления и пр. Использовать «Закон градский» для практического судопроизводства было затруднительно. Судьба «литературного памятника» после первой неудачной попытки практического использования ожидала на Руси и Эклогу [Милов, 1999]. То есть, греческие «законные» тексты на Руси распространялись, старательно переписывались, с благоговением читались, но функционально переставали быть правовыми, становясь лишь нравоучительными и символическими [Долгов, 2013]. Первые следы приговоров, вынесенных согласно установлениям Прохирона, появляются не ранее XVI в. [Бенеманский, 1917, с. 153], то есть мысль реализовать нормы в юридической практике возникла только спустя пять столетий их благоговейного переписывания и прочитывания.

Дар третий – картина мира. Византия как наследница античной цивилизации обладала весьма обширным набором теорий, описывающих окружающий мир.

Вопросы, связанные с природным мироустройством, освещали «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Толковая Палея» и пр. Тексты эти были известны на Руси и, очевидно, определяли мировоззрение образованных книжников. Посредством этих книг русский читатель имел возможность познакомиться с идеями мироустройства, выработанными античными и раннехристианскими авторами. Критического отношения к содержащимся в «Христианской топографии» или «Шестодневе» сведениям в древнерусской книжности не заметно. Для критического отношения на Руси не было подходящих интеллектуальных сил и условий: история творения мира и описания дальних морей воспринималась в религиозном контексте. Собственный опыт путешествий-хождений, предпринятых русскими паломниками и путешественниками и представленный в оригинальных описаниях (таких, например, как «Хождение игумена Даниила»), не противоречил авторитетной географической и естественно-научной традиции, а вписывался в них. В общем, можно сказать, что до географии, зоологии и астрономии древнерусским книжникам было мало дела. Византийский багаж полностью удовлетворял их интеллектуальные запросы.

Другое дело – теории мироустройства политического. Их сила и качество в имперском исполнении не уступали теориям «естественнонаучным». Однако воспринимались они иначе. Подобно прочим империям, Восточный Рим мнил себя центром обитаемой вселенной, собственную столицу – центром мира, а

правителя — главным человеком на свете. Этот комплекс идей вылился в представлении о супрематии василевса, т.е. его верховном суверенитете над всеми христианскими государями. Отношение к этой системе взглядов весьма продуктивно обсуждалось в отечественной и зарубежной науке. Д. Оболенский, автор самого понятия «византийского содружества», считал, что Русь если и признавала супрематию империи, то только «по умолчанию» [Оболенский, 1998, с. 276–277].

Кроме того, было высказано несколько точек зрения. По мнению А.П. Толочко, поначалу, при Ярославе Мудром, Русь отвергала эту идею. Однако после отторжения сменилось принятием, которое выразилось в своеобразном повторении имперского дискурса на архитектурном уровне: при Владимире Мономахе была построена Влахернская Богородичная церковь Кловского монастыря, которая должна была копировать Влахернский храм в Византии [Толочко, 1992, с. 106–107].

С критикой концепции Толочко выступил А.В. Назаренко, показавший, что и при Ярославе Мудром архитектура Киева тоже формировалась во многом под влиянием символического пространства Константинополя, и разницы между подходом Ярослава и Владимира нет [Назаренко, 1999]. Сам Назаренко склонялся к другой идее. По его мнению, Русь и не принимала византийскую имперскую концепцию, в которой ей была отведена весьма низкая и поэтому незавидная роль, а копировала ее, претендуя на то, чтобы считать «центром мира» не Константинополь, а Киев. Назаренко считал, что русский материал следует сопоставить с идеей «внеримской империи» («romfreies Kaisertum»), «которая стала одним из организующих элементов в процессе становления империи на Западе» [Назаренко, 1999, с. 182]. То есть неудовлетворенность низким положением в «Византийском содружестве государств» привела к тому, что Русь, подобно Болгарии при Симеоне I или Франкской империи при Карле Великом, захотела устроить империю у себя.

Однако и эта идея не стала общепризнанной. Все-таки Русь в своей политической теории если и воспроизводила у себя «империю», то крайне своеобразно. настолько своеобразно, что Г. Подскальски считал, что в домонгольский период и не воспроизводила вовсе [Подскальски, 1996, с. 68–69].

«Примиришь» изложенные факты и свести их в непротиворечивую систему пробовал и автор этих строк. По моему мнению, источники не дают возможности говорить ни о принятии идеи «Византийского содружества» Русью, ни об отвержении ее, ни о попытке воспроизвести, поставив в центр конструкции себя самое. Для любого из названных вариантов на Руси не было ни должной вовлеченности, ни политических оснований, ни подготовленных кадров. В отношении византийской политической ойкумены Русь была столь глубокой периферией, что стать «первым учеником» и «наследником» ей предстояло только столетия спустя — во времена Московской Руси, когда сама империя уже прекратила существование. А в домонгольский период перед русскими книжниками стояла задача более простая, хотя и не менее масштабная. Они должны были сформировать представление о Руси как о стране «ведомой и слышимой» [Иларион, 1999, с. 42–44] — не более, но и не

менее. Причем вряд ли правильно будет уравнивать идею земли «ведомой и слышимой» с идеей империи, не рискуя чрезмерным расширением лишить это последнее понятие смысла.

Понятно, что, будучи православными клириками, русские «работники идеологического фронта» многое заимствовали у своих греческих учителей. Однако необходимо обратить внимание и на то, что они *не* заимствовали, на то, что осталось в политической культуре Руси местным, оригинальным: русские князья сохранили в качестве «тронных» свои языческие имена; в полном небрежении остались византийские титулы (ни василевсов, ни деспотов, ни куропалатов мы на Руси не видим); не прижилось на русской почве «венчание на царство» и пр. элементы византийского политического обихода.

Используемые имперские символы приобретали на Руси новое значение – значение, не сводимое к идее империи в той или иной трактовке. Это была концепция великой и славной страны «яже ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли», концепция, вызревшая в рамках совершенно иного местного, восточнославянского понятийного аппарата. Для политики, проводимой в курсе этой идеи, характерна ориентация на внешние, «представительские» признаки значительности и величия, понимаемые вполне по-варварски, то есть без особого внимания к сущностной стороне, к тонким оттенкам значения, придаваемым этим символам в рамках культуры, их породившей [Долгов, 2004]. Русь взяла от «имперских одежд» только то, что привлекло ее внимание особенным блеском. Но в целом «покрой идеологического платья» остался туземным.

Дар четвертый и пятый – искусство и письменность. Роль и место византийского искусства и письменности в общей структуре отечественной культуры трудно переоценить. Пожалуй, доля оригинального начала в этой сфере по сравнению с прочими сферами минимальна. Судьба этих «даров» более всего напоминала судьбу первого дара – религии. Более того, Русь, став ученицей византийских мастеров в архитектурном, иконописном и литературном деле, оказалась тем оазисом, который долее всего сохранял однажды унаследованные традиции. Вместе с тем, некоторые черты оригинальности начинают проступать на фасаде византийской художественной школы уже с первых веков существования русского искусства и литературы.

Таким образом, получив от империи ромеев культурные дары, Русь распорядилась ими весьма своеобразно и неодинаково. Более всего на первых порах оказались востребованы те из них, которые имели отношение к религиозной, духовной и эстетической сферам. Православная вера и шедшие с ней в комплекте искусство и литература весьма прочно укоренились на русской почве и продолжили свое существование и тогда, когда в самой империи-дарительнице многие тенденции уже пресеклись. Так, например, иконопись комниновского и палеологовского периодов со всеми своими непростыми художественными принципами, попав однажды на Русь, продолжает вести непрерывную линию традиции до настоящего времени.

Политическое и юридическое наследие постигла иная судьба. Поскольку и политика, и право, в отличие от искусства и религии, глубоко укоренены в весьма жестко выстроенные отношения власти/подчинения, знакомство с ними не имело быстрого и непосредственного влияния на текущий момент. Их сложнее было приспособить «ко злобе дня». Однако, будучи овеяны культурным и религиозным авторитетом породившей их цивилизации, они долгое время сохранялись как система переводных и оригинальных текстов, оказывая влияние на соответствующие сферы русского государства и общества медленно и исподволь. Результат этого воздействия проявился много позже, спустя столетия. Некоторые отголоски его чувствуются и сейчас. Однако это, безусловно, уже не та реальная историческая Византия, история которой остановилась в XV в. Это «воображаемая Византия» русской культуры, которая требует уже совершенно иных подходов и, возможно, совершенно иных исторических и культурологических инструментов для изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Определения владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Вып. 1. СПб., 1894. Стб. 83–102.

Бенеманский М.И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. 478 с.

Долгов В.В. Первая примерка «имперских одежд»: византийская идеологическая система и проблема княжеских венцов в Древней Руси XI–XIII вв. // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 113–131.

Долгов В.В. Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила праведного») // *Вопросы истории*. 2013. № 10. С. 91–99.

Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М.: Унив. тип. 1869. 413 с.

Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории //

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 306–316.

Иларион. Слово о Законе и Благодати // БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 26–61.

Милов Л.В. Византийская Эклога и Правда Ярослава // *ГЕННАДИΟΣ (к 70-летию Г.Г. Литаврина)*, 1999. С. 129–142.

Назаренко А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с. // *Средневековая Русь*. Ч. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 164–193

Николаев Г.А. «Мерило Праведное» (Заметки о составе памятника) // *Православный собеседник (Казань)*. 2007. Вып. 1(14). С. 74–83.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. 653 с.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Перевод А.В. Назаренко, под ред. К.К. Акеньева. СПб.: Византинороссика, 1996. 572 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.

Sumner B.H. *Survey of Russian History*. London: Duckworth 3 Henrietta Street London W. C. 2. 1944. 507 p.

REFERENCES

Opredeleniya vladimirskogo sobora, izlozhennye v gramote mitropolita Kirilla II [Definitions of the Vladimir Cathedral, set forth in the charter of Metropolitan Kirill II], in *Pamyatniki drevnerusskoi tserkovno-uchitel'skoi literatury*. Is. 1. St. Petersburg, 1894. Stb. 83–102 (in Russian).

Benemanskii M.I. *Zakon gradskii. Znachenie ego v russkom prave* [Zakon gradskii. Its meaning in Russian law.]. Moscow, 1917. 478 p. (in Russian).

Dolgov V.V. Pervaya primerka “imperskikh odezhd”: vizantiiskaya ideologicheskaya sistema i problema knyazheskikh ventsov v Drevnei Rusi XI–XIII vv. [The first fitting of “imperial clothes”: the Byzantine ideological system and the problem of princely crowns in Ancient Rus’ in the 11th–13th centuries], in *Ab Imperio*. 2004. No. 3. Pp.113–131 (in Russian).

Dolgov V.V. Funktsii yuridicheskikh tekstov v Drevnei Rusi (na primere “Merila pravednogo”) [Functions of legal texts in Ancient Rus’ (on the example of “The Measure of the Righteous”)], in *Voprosy istorii*. 2013. No. 10. Pp. 91–99 (in Russian).

Dyuvernuia N.L. *Istochniki prava i sud v Drevnei Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava* [Sources of Law and Court in Ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law]. Moscow: Univ. tip., 1869. 413 p. (in Russian).

Zhivov V.M. Dvoeverie i osobyi kharakter russkoi kul'turnoi istorii [Dual faith and the special character of Russian cultural history], in Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. Pp. 306–316 (in Russian).

Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati [A Word on Law and Grace], in *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus’]. Vol. 1. 11–12 Centuries. St. Petersburg: Nauka, 1999. Pp. 26–61 (in Russian).

Milov L.V. Vizantiiskaya Ekloga i Pravda Yaroslava [Byzantine Eclogue and Truth of Yaroslav], in *ΓΕΗΝΑΔΙΟΣ (k 70-letiyu G.G. Litavrina)*. 1999. Pp. 129–142 (in Russian).

Nazarenko A.V. K probleme knyazheskoi vlasti i politicheskogo stroya Drevnei Rusi. Zamechaniya i razmyshleniya po povodu knigi: Tolochko A.P. Knyaz' v Drevnei Rusi: Vlast',

sobstvennost', ideologiya. Kiev: Naukova dumka, 1992. 224 p. [On the problem of princely power and the political system of Ancient Rus' Remarks and reflections on the book], in *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Russia]. Part . 2. Moscow: Editorial URSS, 1999. Pp. 164–193 (in Russian).

Nikolaev G.A. "Merilo Pravednoe" (Zametki o sostave pamyatnika) ["Merilo Pravednoe" (Notes on the composition of the text)], in *Pravoslavnyi sobesednik (Kazan')*. 2007. Is. 1(14). Pp. 74–83 (in Russian).

Obolenskii D. *Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov* [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow: Yanus-K, 1998. 653 p. (in Russian).

Podskal'ski G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)* [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. St. Petersburg: Vizantinorossika, 1996. 572 p. (in Russian).

Sedov V.V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the VI–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1982. 328 p. (in Russian).

Tolochko A.P. *Knyaz' v Drevnei Rusi: Vlast', sobstvennost', ideologiya* [Prince in Old Rus': Power, property, ideology]. Kiev: Naukova dumka, 1992. 224 p. (in Russian).

Sumner B.H. *Survey of Russian History*. London: Duckworth 3 Henrietta Street London W. C. 2. 1944. 507 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250

УДК 930.85

ОТ «ОРДЫ ЗАЛЕССКОЙ» К «ТРЕТЬЕМУ РИМУ»

Гайденко Павел Иванович

Московский государственный лингвистический университет;
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия
prof.gaydenko@rambler.ru

Аннотация. Предыстория возникновения концепции «Москва – Третий Рим» продолжительна и стоит на значительном фундаменте идей и настроений. Истоки данной концепции обнаруживаются уже в домонгольский период в стремлении русских книжников перенести на Русь образы Константинополя и Святой Земли. Некоторое «затишье» в этом процессе обнаруживается в Ордынский период. Между тем в «Задонщине», произведении, созданном вскоре после победы на Куликовом поле, была сформулирована идея высокого статуса Залесской земли, которая была наименована «ордой Залесской». Необходимо признать, что данная идея уравнивания Залесской земли и Орды – необычна для своего времени. Более того, она не получила своего развития в книжной культуре. Однако она хорошо вписывалась в культурный и политический контекст придворной жизни XIV–XVI вв. Что стало причиной такого невнимания книжников к столь яркой мысли составителя произведения? Предварительно можно выделить три причины. Во-первых, «Задонщина» была создана как пиршественная песнь, а не в качестве религиозно-политического трактата. Светский характер произведения не способствовал превращению его идей в серьезные политические доктрины. Во-вторых, для превращения данной мысли в полноценную концепцию Москва не обладали еще достаточными военно-политическими ресурсами и оставалась зависимой от Орды. В-третьих, идея переноса образов иноверной «орды» на Русь едва ли могла встретить поддержку в церковных кругах. Тем не менее, описанный опыт вполне может рассматриваться в качестве одного из шагов на пути формирования высокого статуса Москвы и ее уподобления «Третьему Риму».

Ключевые слова: «Задонщина», орда Залесская, Москва – Третий Рим, Дмитрий Иванович Донской, древнерусские элиты, Московское княжество.

Цитирование: Гайденко П.И. От «Орды Залесской» к «Третьему Риму» // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 240–250. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250 / Gaidenko P.I. From the "Trans-Forestal Horde" to the "Third Rome", in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 3. Pp. 240–250. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250.

© Гайденко П.И., 2023

FROM THE “TRANS-FORESTAL HORDE” TO THE “THIRD ROME”

Gaidenko Pavel I.

Moscow State Linguistic University;
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia
prof.gaydenko@rambler.ru

Abstract. The prehistory of concept “Moscow as the Third Rome” is long and stands on a significant foundation of ideas and sentiments. The origins of this concept are already found in the pre-Mongol period in the desire of Russian scholars to transfer images of Constantinople and the Holy Land to Rus’. Some “standstill” in this process is found in the Horde period. Meanwhile, the idea of the high status of the Trans-Forestal (Zalessky) land as the “Trans-Forestal Horde” was posturized in the “Zadonshchina” (Beyond the Don), the text created shortly after the victory on the Kulikovo Field. It must be admitted that this idea of the equation of the Trans-Forestal land and the Horde was unusual for its time. Moreover, it didn’t gain traction in the bookish culture. However, it fitted well into the cultural and political context of court life of the 14th–16th centuries. What was the reason for such inattention of scholars to so bright idea of the text’s compiler? Three reasons could be tentatively stated. Firstly, “Zadonshchina” was created as a bacchanalian song, but not as a religious-political treatise. The secular pattern of this text did not contribute to the transformation of these ideas into serious political doctrines. Secondly, to turn this idea into a full-fledged concept, Moscow did not yet have sufficient military and political resources and remained dependent on the Horde. Thirdly, the idea of transferring images of a non-orthodox “horde” to Rus’ could hardly find support in church circles. Nevertheless, the described experience may well be considered as one of the steps towards the formation of the high status of Moscow and its likening to the “Third Rome”.

Keywords: “Zadonshchina” (Beyond the Don), Trans-Forestal (Zalessky) Horde, Moscow as the Third Rome, Dimity Ivanovich Doskoi, old Russian elites, Muscovite Duchy.

Предыстория возникновения концепции «Москва – Третий Рим» хорошо изучена и едва ли нуждается в новом специальном экскурсе. Для того чтобы получить ясное и широкое представление о ее истории и о том, как идеи переноса на Русь образов иных сакральных центров развивались в религиозно-политической мысли, достаточно обратиться хотя бы к двум наиболее ярким по изложению и качественным по содержанию работам последних трех десятилетий, прежде всего к обширной монографии Н.В. Сеницыной [Сеницына, 1988] – и, конечно, к диссертации А.В. Корневского [Корневский, 1995]. Если первый труд хорошо известен и давно приобрел характер «хрестоматийного» труда, с которым должен быть знаком любой, кто обращается к теме «Москва – третий Рим», то второй работе повезло чуть меньше. К большому сожалению, она так и не была опубликована в виде монографии. Более того, она почему-то осталась неоцифрованной, а поэтому почти невидима для большинства исследователей, прибегающих к помощи Интернета. Последнее особенно досадно, поскольку высказанные в диссертации А.В. Корневского еще в 1995 г. взгляды и суждения, касающиеся предыстории концепции «Третьего Рима», связанные с идеями уподобления Киева Иерусалиму и Константинополю, русской земли – Израилю, Владимира-на-Клязьме – Киеву, были в последующем многократно воспроизведены целой плеядой историков (И.Н. Данилевским [Данилевский, 1998, с. 355–368; Данилевский, 2004, с. 108–109, 142–143, 159–161, 164–167, 174–175, 197–200, 203–209; Данилевский, 2019, с. 255–263, 266–270], В.М. Рычкой [Ричка, 2005], Д.С. Менделеевой [Менделеева, 2014, с. 791–796], А.Б. Страховым [Страхов, 2020] и другими), однако без какого-либо упоминания о том, кому принадлежит первый комплексный подход к заявленной проблеме. Тем не менее, невзирая на имеющиеся историографические достижения и сопутствующие им проблемы, ранняя история возникновения рассматриваемой концепции может считаться вполне изученной, что, впрочем, не исключает возможности некоторых уточнений тех или иных нюансов. В частности, это имеет самое прямое отношение к теме четвертого вопроса, предложенного организаторами дискуссии – о соотношении декларируемой московскими политиками и книжниками идеи византийского преемства и реального присутствия в идеологии и политической практике Русского государства ордынского наследия. Данный сюжет, столь значимый для евразийской историософии, время от времени поднимался и специалистами по истории русского Средневековья. В этом плане особенно примечательна длительная дискуссия между Ч. Гальпериным [Halperin, 1985] и Д. Островским [Ostrowski, 1998], в ходе которой оба исследователя пришли к согласию в ключевом вопросе – о том, что «легковесные декларации, будто московская государственность являлась преемницей Золотой Орды, не выдерживают научной критики» [Гальперин, 2003], но разошлись в нюансах. Если Д. Островский находит существенные элементы ордынского наследия в политическом строе Руси, усвоение которых проходило двумя волнами, в XIV и второй половине XV–XVI вв. [Ostrowski, 2000, p. 296], то Ч. Гальперин настаивает, что «Московия не была политическим наследником государственности Золотой Орды, и ее правитель никогда не считал себя “новым татарским ханом”». Более того, она «не нуждалась в декларации своей преемственности от Золотой Орды ни на словах, ни на практике» [Гальперин, 2003, с. 71].

Тем не менее, данная точка зрения требует определенного уточнения. По крайней мере один случай такой декларации может быть обнаружен в «Задонщине», где Московская Русь (Залесская земля) напрямую уподобляется Орде: «И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская» [Задонщина, 2010, с. 85–86].

Обладая несомненной притягательностью для современников, отмеченная мысль все же не оформилась в качестве полноценной политической идеи или концепции. Вероятно, именно поэтому она так и не была вплетена историками в цепь идей, в итоге приведших к формированию взглядов инока Филофея. Однако нельзя отрицать и того, что уподобление Залесской земли Орде стало одним из опытов не только литературной, но и политической мысли, способствовавшей определению высокого места и важного значения Руси и Москвы в иерархии государств и священных городов.

Предложенная вниманию читателей точка зрения ранее уже высказывалась автором [Гайденко, Салимгареев, Хохлов, 2021], однако на сей раз появилась возможность обосновать ее более детально.

«Задонщина» — одно из наиболее ярких сочинений эпохи Дмитрия Ивановича Донского. Данное произведение известно в шести списках, восходящих к одному источнику, и примечательно во всех отношениях: описанными событиями, авторством, историческим контекстом, в котором было создано, транслируемыми идеями. Все перечисленное нашло свое отражение в значительной по своему объему историографии, рассмотрение которой заслуживает отдельного исследования, что существенно превосходит цели и возможности данной статьи. О сложности произведения и глубине связанных с ним проблем можно судить по меньшей мере по значительным и знаковым исследованиям В.П. Адриановой-Перетц, издавшей все шесть списков «Задонщины» [Адрианова-Перетц, 1948], Д.С. Лихачева, уделившего внимание сопоставлению этих списков [Лихачев, 1976] и А.А. Горского, в значительной мере подытожившего опыт изучения «Задонщины» [Горский, 1992; Горский, 1993]. Конечно, историография этого произведения более сложна для анализа, не исчерпывается названными исследователями и значительно больше по объему и шире по обсуждаемым проблемам. Примером этого может служить исследование А.В. Ларентьева, касающееся личности составителя «Задонщины» Софония Рязанца, ее героев, прежде всего членов великокняжеской семьи, а также обстоятельств создания произведения [Ларентьев, 2015]. Однако в данном случае интерес привлекает сопоставление обширной Залесской земли, охватывавшей большую часть Северо-Восточной Руси, с Ордой (о Залесской земле и ее городах см. соответствующие главы соч. М.Н. Тихомирова [Тихомиров, 1979, с. 124–129]).

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что Задонщина, обладающая своей ритмикой, создавалась как пиршественная песнь [Стеллецкий, 1989]. По мнению большинства исследователей, время ее возникновения приходится на 80-е гг. XIV в.

(вскоре после победы над Мамаем), когда отношения Москвы и Рязани переживали период продолжительного мира, отмеченного браком между детьми Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского. Такую точку зрения можно, например, встретить у И.Н. Данилевского в его комментариях к «Задонщине» [Задонщина, 210, с. 392] и А.В. Лаврентьева. Причем последний высказывался за то, что «Задонщина» была написана «между 1385–1387 гг. — исходом марта 1389 г.» в среде рязанцев, находившихся на службе у московского князя [Лаврентьев, 215, с. 198–204].

Пытаясь объяснить именование Залесской земли «ордой», И.Н. Данилевский высказался за то, что современники рассматривали Северо-Восточную Русь в качестве части Орды: «Судя по этим словам, для автора «Задонщины» (которого трудно упрекнуть в недостатке патриотизма) — как, очевидно, и для его редакторов и читателей — «Руская» или «Залѣская земля» имеют вполне конкретный — и совершенно неожиданный для нас — синоним: «орда Залѣская». Другими словами, Северо-Восточная Русь рассматривалась ими как часть Орды» [Задонщина, 210, с. 406]. Ю.В. Селезнев интерпретировал эти слова автора «Задонщины» более сдержанно и, не углубляясь в суть оправданности примененного термина, объяснял именование Северо-Восточной Руси «Ордой Залесской» в качестве своего рода маркера «принадлежность к ордынскому миру» [Селезнев, 2015, с. 125], что видится тоже вполне логичным и оправданным.

Тем не менее, «Задонщина» называет Залесскую Русь не частью Орды, а самой Ордой, только Ордой Залесской, противопоставляя в определенном смысле Орде «татарской», находящейся в подчинении Мамаю. Правда, делает это автор хвалебной песни не от имени Руси, а от имени фрягов, сторонних наблюдателей произошедшего, что придавало такому статусу Руси некоторую «объективность» и «признанность». Скорее всего, такая оценка была явным преувеличением. Вся политика Дмитрия Ивановича Донского в отношении Сарая и Рязани, как показали исследования А.А. Горского, были направлены не столько на расширение независимости Москвы от Орды, сколько на закреплении Владимирского великого княжения, обеспечивавшего его обладателям старейшинство среди русских князей на Северо-Востоке за своим потомством [Горский, 2018, с. 113–114]. Процесс закрепления Великокняжеского стола за конкретным родом во многом отражал изменения в правилах наследования княжеских столов, наметившийся, по мнению И.Н. Данилевского, поддержавшего выводы А.Л. Юрганова, со времени Ивана Калиты [Юрганов, 1998, с. 150–162, 170–171; Данилевский, 2016, с. 214–215].

Тем не менее для такого преувеличения были свои основания. Москва не просто победила Мамай во внутриордынском противостоянии, выступив на стороне Тохтамыша, но и добилась определенной автономии от Сарая в вопросе наследования великокняжеского стола. Очевидно, что в окружении князя возникло осознание своей равновесности (или по меньшей мере паритетности) с Сараем и в военных силах. В итоге, принимая во внимание и обширность подчиненных Москве территорий, и ее растущую мощь, княжеское окружение, кажется, все более утверждалось

в мысли о равном положении с Ордой, наименовав Залесскую землю не иначе как «ордой Залесской», выбрав в выработанной в империи Чингизидов политической иерархии государственных образований высшую форму – «Орду» [Пигарев, 2018; Гайденко, Салимгареев, Хохлов, 2021]. Последнее, правда, вступало в противоречие с действительными реалиями, согласно которым Русь все же оставалась в отношении Сарая не более чем «улусом» [Трепавлов, 2021].

Очевидно, что идея уподобления Московского княжества Орде, хоть и оказалась востребованной в окружении Московского князя 80-х гг. XIV в., однако никогда не обретала характер политической доктрины или хотя бы политической идеи, сопоставимой с идеологической максимой, закрепленной в каких-либо текстах. Рожденная в дружинной среде, она, несмотря на всю свою яркость, кажется, никогда не транслировалась на широкий круг слушателей. И все же она предельно точно отражала не только умонастроения, бытовавшие во власти, но и политическую и придворную культуру, которая просуществовала вплоть до конца XVI в., сохранявшую свою ориентированность на политическую культуру Орды и Сарая, видя в ней своего рода образец и один из важнейших источников своей легитимности.

Эта отношение к ордынскому наследству лучше всего просматривается в политике Ивана IV и его преемников после присоединения и закрепления за Москвой земель («царств») Казани и Астрахани. Усвоение наследия Орды обнаруживается не только в титулах правителей Москвы со времен Ивана Грозного, но и в административно-политическом устройстве Руси, ее праве, придворной жизни, одеждах знати и самой политической культуре, как это хорошо показано в целом пласте исследований, связанных с именами А.Л. Хорошкевич, В.В. Трепавлова, И.В. Зайцева, А.В. Белякова, И.Н. Данилевского и других. И в отмеченном смысле истоки Русского царства следует искать не только в Византийском и Киевском наследстве, но и в наследстве Ордынском (см. историографию и развитие проблемы в исследовании К.А. Кочегарова [Кочегаров, 2022, с. 219–228.]).

Таким образом, именование Московских земель «ордой Залесской» не случайно. Судя по всему, оно очень точно отражало рост политического сознания элит в окружении Московского князя, стремившихся на фоне несомненных военно-династических успехов Дмитрия Ивановича Донского заявить хотя бы и во внутреннем пространстве московского и рязанского княжеских дворов о возникновении политического равенства Москвы и Сарая. При том, что возведение Залесских земель до ранга Орды являлось своего рода преувеличением, произведение оказалось успешным и востребованным в кругу московской и рязанской знати, о чем говорит число сохранившихся списков. Однако необходимо признать, что идея политического равенства Москвы и Сарая ни при Дмитрии Ивановиче, ни при его потомках не приобрела характера переноса «образов Сарая» на русскую почву. Даже Иван IV, покоритель татарских ханств, окруживший себя ордынскими царями и царевичами, уклонился от возведения своего царства к Ордынскому. Он стал царем над царями, но не новым «Чингисханом», предпочтя наследство Мономахов и Августа Цезаря. Так почему же Москва не стала «Вторым Сараем», а мысль о «Залесской Орде» не

получила развития и поддержки? Здесь можно высказать несколько предположений, обоснование которых, конечно, заслуживает отдельного исследования, чего не позволяет формат данной статьи.

Во-первых, идея «Залесской Орды» осталась если не чуждой церкви, то не нашедшей в кругу иерархии поддержки, оставаясь лишь частью пиршественной культуры княжеских дворов Москвы и Казани. «Задонщина» — «светское» произведение, не связанное с церковью и ее идеалами. В итоге столь яркие и амбициозные идеи едва ли могли получить развитие и глубокое осмысление в кругу книжников и иерархов своего времени. Крайне сомнительно, чтобы в описываемый период и княжеский двор мог предложить свою альтернативу осмысления столь заманчивой и амбициозной мысли. Во-вторых, трудно представить, чтобы Москва и ее правители в описываемые десятилетия (80-е гг. XIV в.) были готовы на столь решительное сопоставление с Сараем и Ордой. Для этого шага в действительности у Москвы не хватало ни экономических, ни политических ресурсов. Более того, местная династия решала свои вопросы, ответы на которые во многом зависели от воли Орды. В-третьих, существенным препятствием для переноса на Залесские земли образов Орды могли стать затруднения, которые бы неминуемо возникли в религиозной области. Крайне сомнительно, чтобы христианская Русь восприняла образы исламизированной Орды.

Впрочем, даже такой опыт осмысления новой роли Руси и ее военно-политического статуса в Европе позволяет говорить о том, что «Залесская Орда» в «Задонщине» стала одной из первых ступенек на пути Москвы к царству и «Третьему Риму».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Задонщина (Опыт реконструкции авторского текста) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 201–255.

Гайденок П.И., Салимгареев М.В., Хохлов А.А. «Москва — Второй Сарай»? (Об идеологических амбициях древнерусской знати эпохи Дмитрия Ивановича Донского) // *История: факты и символы*. 2021. № 1(26). С. 39–46.

Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // *Родина*. 2003. № 12. С. 68–71.

Горский А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Ин-т российской истории, 1992. 169 с.

Горский А.А. «Слово о полку Игореве» — «Слово о гибели русской земли» — «Задонщина»: Источниковедческие проблемы: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09. М., 1993. 281 с.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Ломоносов, 2018. 296 с.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 398 с.

- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 382 с.
- Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов: повесть временных лет. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 438 с.
- Данилевский И.Н.* Русские земли в правовой системе Улуса Джучи // *Труды по русскому сиеведению*. 2016. № 6. С. 201–219.
- Корневский А.В.* Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV–XVI вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 1995. 23 с.
- Кочегаров К.А.* Россия и политическое наследие Золотой Орды: научные оценки и парадигмы общественного сознания // *Новое прошлое*. 2022. № 1. С. 219–228.
- Задонщина* // *Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2: Период ордынского владычества*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 78–87, 391–399.
- Лаврентьев А.В.* «Задонщина», Рязань и московская великокняжеская семья // *Slovēne*. 2015. Т. 4. № 2. С. 180–213.
- Лихачев Д.С.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 31. Л.: Наука, 1976. С. 165–175.
- Менделеева Д.С.* Тема «Святой земли» и «Второго Иерусалима» в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2014. № 16–17. С. 791–796.
- Пигарев Е.М.* Улус, Область, Округ, Сарай // *Археология евразийских степей*. 2018. № 4. С. 160–165.
- Ричка В.М.* «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с.
- Селезнев Ю.* Русь – Залесская Орда? // *Родина*. 2012. № 9. С. 124–126.
- Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.
- Стеллецкий В.И.* Ритмический перевод «Задонщины» // *Герменевтика древнерусской литературы*. 1989. № 1. С. 291–319.
- Страхов А.Б.* Историософские параллели концепций «Царьград Тырнов» и «Москва – Третий Рим» // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2020. № 19. С. 430–439.
- Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383 с.
- Трепавлов В.В.* «Русский улус» Золотой Орды // *Российская история*. 2021. № 1. С. 3–15.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 468 с.
- Halperin Ch.* *Russia and the Golden Horde*. Bloomington, Ind.: University of Indiana Press, 1985. 180 p.

Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998. XVI, 329 p.

Ostrowski D. Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections // *Kritika*. 2000. Vol. 1. № 2. Pp. 267–304.

REFERENCES

Adrianova-Peretts V.P. Zadonschina (Opyt rekonstruktsii avtorskogo teksta) [Zadonschina (An Inquiry into Reconstruction of the Author's text)], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 6. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1948. Pp. 201–255 (in Russian).

Gydenko P.I., Salimgareev M.V., Khokhlov A.A. "Moskva – Vtoroy Saray"? (Ob ideologicheskikh ambitsiyakh drevnerusskoy znati epokhi Dmitriya Ivanovicha Donskogo) ["Moscow – the Second Saray"? (On the Ideological Ambitions of the Old-Russian Nobility at the Epoch of Dmitriy Ivanovich Donskoy)], in *Istoriya: Fakty i Simvoly*. 2021. No. 1(26). Pp. 39–46 (in Russian).

Halperin Ch. Vymyshlennoye rodstvo. Moskoviya ne byla naslednitsey Zolotoy Ordy [Fictional Kinship. Muscovy Was Not the Heritor of Golden Horde], in *Rodina*. 2003. No. 12. Pp. 68–71 (in Russian).

Gorskiy A.A. "Slovo o polku Igoreve" – "Zadonshchina": istochnikovedcheskie problem: dis. ... doctora istoricheskikh nauk: 07.00.09 ["The Tail of Igor's Campaign" and "Zadonschina": Source Issues: Doctoral Thesis. 07.00.09]. Moscow, 1993. 281 p. (in Russian).

Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and Horde]. Moscow: Lomonosov, 2018. 296 p. (in Russian).

Danilevskiy I.N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [The Old Rus' as Viewed by Contemporaries and Descendants (9th–12th Centuries)]. Moscow: Aspekt-Press, 1998. 398 p. (in Russian).

Danilevskiy I.N. *Germenevticheskiye osnovy izucheniya letopisnykh tekstov: povest' vremennykh let* [Hermeneutical Foundations of Study of Chronical Texts: Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Izdstel'stvo Olega Obyshko, 2019. 438 p. (in Russian).

Danilevskiy I.N. *Povest' vremennykh let: germenevticheskiye osnovy izucheniya letopisnykh tekstov: povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years: Hermeneutical Foundations of Study of Chronical Texts]. Moscow: Aspekt-Press, 2004. 382 p. (in Russian).

Danilevskiy I.N. Russkie zemly v pravvoy sisteme Ulusa Dzhuchi [Russian Lands in the Legal System of the Jochi Ulus], in *Trudy po rossievedeniyu*. 2016. No. 6. Pp. 201–219 (in Russian).

Zadonschina [Zadonschina], in *Pamyatniki obschestvennoy mysli Drevney Rusi. Vol. 2. Period ordynskogo vladychestva*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. Pp. 78–87, 391–399 [komment] (in Russian).

Korenevskiy A.V. "Ideya vizantiyskogo naslediya" v russkoy religiozno-politicheskoy mysli XV–XVI vv.: avtorferat dis. ... kandidata istor. nauk: 07.00.02 [The Idea of "Byzantine

- Heritage" in the Russian Religious-Political Thought of 15th–16th Centuries: Abstract of Thesis]. Rostov-on-Don: Rostovskiy gos. Universitet, 1995. 23 p. (in Russian).
- Kochegarov K.A. Rossiya i politicheskoye nasledie Zolotoy Ordy: nauchnye otsenki i paradigm obschestvennogo soznaniya [Russia and Political Legacy of the Golden Horde: Scholars' Evaluations and Paradigms of the Social Mind], in *Novoye proshloye*. 2022. No. 1. Pp. 219–228 (in Russian).
- Lavrent'ev A.V. "Zadonschina", Ryazan', i moskovskaya velikoknyazheskaya sem'ya ["Zadonschina", Ryazan', and Moscow Grand Duke's Family], in *Slověne*. 2015. Vol. 4. No. 2. Pp. 180–213 (in Russian).
- Likhachyov D.S. Vzaimootnoshenie spiskov i redktsiy "Zadonschiny" [Interrelation between Copies and Editions of "Zadonschina"], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 31. Leningrad: Nauka, 1976. Pp. C. 165–175 (in Russian).
- Mendeleeva D.S. Tema "Svyatoy zemli" i "Vtorogo Ierusalima" v "Slove o Zakone i Blagodati" mitropolita Ilariona [The Topic of "Holy Land" and "The Second Jerusalem" in "Discourse on Law and Grace" by Metropolitan Ilarion], in *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 2014. No. 16–17. Pp. 791–796 (in Russian).
- Pigarev E.M. Ulus, Oblast', Okrug, Saray [Ulus, Region, District, Saray], in *Arkheologiya evraziyskikh stepey*. 2018. No. 4. Pp. 160–165 (in Russian).
- Rychka V.M. "Kyiv – Drugyy Yerusalym" (z istorii politychnoy dumky ta ideologii seredn'ovichnoy Rusi ["Kiev – the Second Jerusalem" (From the History of Political Thought of the Medieval Rus')]. Kyiv: Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2005. 243 p. (in Ukrainian).
- Seleznyov Y. Rus' – Zaleskaya Orda? [Rus' as the Trans-Forestral Horde?], in *Rodina*. 2012. No. 9. Pp. 124–126 (in Russian).
- Sinitsyna N.V. *Tretiy Rim: istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Conception (15th–16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 410 p. (in Russian).
- Stelletskiy V.I. Ritmicheskiy perevod "Zadonschiny" [The Rhythmical Translation of "Zadonschina"], in *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 1989. No. 1. Pp. 291–319 (in Russian).
- Strakhov A.B. Istoriosofskie paralleli kontseptsiy "Tsar'grad Tyrnov" i "Moskva – Tretiy Rim" [Historiosophical Parallels between concepts of "Tsar'grad Tyrnov" and "Moscow as the Third Rome"], in *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 2020. No. 19. Pp. 430–439 (in Russian).
- Tikhomirov M.N. *Russkoye letopisanie* [Russian Chronicle-writing]. Moscow: Nauka, 1979. 383 p. (in Russian).
- Trepavlov V.V. "Russkiy ulus" Zolotoy Ordy ["The Russian Ulus" of the Golden Horde], in *Rossiyskaya istoriya*. 2021. No. 1. Pp. 3–15 (in Russian).
- Yurganov A.L. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury [The Categories of the Russian Medieval Culture]. Moscow: MIROS, 1998. 468 p. (in Russian).

Halperin Ch. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington, Ind.: University of Indiana Press, 1985. 180 p.

Ostrowski D. Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections, in *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 2. Pp. 267–304.

Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998. 329 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-251-266

УДК 930.85

О РОЛИ «ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ» В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА В ИСТОРИИ РОССИИ

Пиков Геннадий Геннадьевич

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
gennadij-pikov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с цивилизационной ориентацией русского государства на протяжении истории своего существования. Предлагается увидеть, что в своей культуре и политике Россия исходила не только из международной практики, но и опиралась на опыт Византийской империи. Византия была единственным государством, чей опыт строительства государства и его выживания в мультикультурном и полиэтничном евразийском мире могла в средневековый период освоить Россия. Он помог ей не только выстроить свою государственную историю, но и заложить основы существования уникальной цивилизации. Есть возможность увидеть в термине «византизм» («византизм») и такое значение, как «цивилизационный синтез», «материнское начало», которое ушедшая византийская цивилизация передала своей «любимой дочери» — России, это «заветы», с помощью которых и мать, и дочь жили и живут. Россия подхватила эстафету Византии в этом смысле — начала строить свою цивилизацию, продолжая ее прерванное цивилизационное строительство. Основа для этого была и сохраняется до сих пор. Все еще остается достаточное политическое пространство, существует и самодостаточное экономическое пространство, которое образовалось в результате противостояния вестернизаций и истернизаций. Есть и необходимая культурная платформа: христианская парадигма до сих пор в той или иной форме дает основные мироустроительные и цивилизационные идеи. Споры о направлении развития России сопровождают всю ее историю и потому, что она находилась между двумя крупнейшими цивилизациями — Европейской и Степной.

Ключевые слова: Византия, Русь, античность, империя, культурное наследие, идеология, религия, православие.

ON THE ROLE OF THE “BYZANTINE HERITAGE” IN SOLVING THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN THE WEST AND THE EAST IN THE HISTORY OF RUSSIA

Pikov Gennady G.

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
gennadij-pikov@yandex.ru

Abstract. The article discusses a number of issues related to the civilizational orientation of the Russian state throughout the history of its existence. It is proposed to see that Russia in its culture and politics proceeded not only from international practice, but also relied on the experience of the Byzantine Empire. Byzantium was the only state whose experience of state building and survival in a multicultural and multiethnic Eurasian world could be mastered by Russia in the medieval period. It helped her not only to build state history, but also to lay the foundations for the existence of a unique civilization. There is an opportunity to see in the term “Byzantinism” (“Byzantism”) such meaning as “civilizational synthesis”, “maternal principle”, which the departed Byzantine civilization passed on to its “beloved daughter” – Russia, these are “testaments”, with the help of which both mother and daughter lived and live. Byzantium developed a powerful synthesis of ideas and recipes aimed at the creation and effective functioning of the imperial structure, on the other hand, this imperial model inevitably entailed the formation of a full-fledged civilizational structure, grew into it. Russia picked up the baton of Byzantium in this sense – it began to build its civilization, continuing its interrupted civilizational construction. The basis for this was and still is. There is still sufficient political space, there is also a self-sufficient economic space, which was formed as a result of the confrontation of Westernization and Easternization. There is also a necessary cultural platform: Christian paradigm still provides basic world-building and civilizational ideas in one form or another. Disputes about the direction of Russia’s development accompany its entire history and because it was located between two major civilizations – European and Steppe.

Keywords: Byzantium, Rus’, cultural heritage, empire, ideology, religion, Orthodoxy.

Цитирование: Пиков Г.Г. О роли “византийского наследия” в решении проблемы взаимоотношений Запада и Востока в истории России // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 251–266. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-251-266 / Pikov G.G. On the Role of the “Byzantine Heritage” in Solving the Problem of Relations between the West and the East in the History of Russia, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 251–266. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-251-266.

© Пиков Г.Г., 2023

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род,
Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.

Максимилиан Волошин. 1923
[Волошин, 2003, с. 291]

Вторая половина прошлого столетия стала закатом многих прежних социально-политических систем. Очередной транзит осуществляется и в нашей стране, которая уходит, по сути, сразу от двух моделей — старой социалистической и современной — капиталистической. Вестернизация, развернувшаяся было полным ходом в конце века, изрядна забуксовала. Снова Россия не знает и даже не понимает, *Quo vadis*. Неудивительно, что в этой ситуации обострился интерес к истории, но уже не только для «обоснования» очередной «истины», а в обоснование выбора той или иной эффективной некогда модели. Кто-то ждет помощи от «вчерашних» идеологий типа марксизма, кто-то — от западного «секонд-хэнда» типа либерализма, а кто-то забрасывает невод в самую глубь истории. Не обойдены вниманием Ярослав Мудрый, Иван Грозный, Петр I и Екатерина II. Немного в тени этих блестящих эпох и споров о них оставалась проблема роли Византии в нашей истории. Точнее, историки никогда о ней не забывали, а вот общество вспоминало об этой экзотической стране довольно случайно и всегда было готово списать на ее наследие огрехи своего времени.

Думается, во многом эффект недооцененности византийского наследия в истории и культуре России вызван тем, что оно впитывалось медленно, на протяжении столетий, тогда как принятие христианства или реформы Петра Великого выглядели одномоментными актами, сводились только к небольшому количеству практических мер. Чисто внешне византийское заимствование становится как бы незаметным. Между тем можно попробовать продемонстрировать принципиальную и экзистенциальную значимость общения двух цивилизаций, увидеть уникальное в истории человечества взаимодействие на российском пространстве трех цивилизационных синтезов мирового масштаба — Византии, Орды и Запада.

На Русь пришло не абстрактное христианство, а его «дочки» — православие и следом католицизм. Западное христианство с XVI в. с помощью идей и рецептов капитализма, Возрождения, Реформации, Великих географических открытий, науки активно выходило на «магистральный путь развития всего человечества». Орда представила широчайший комплекс тюрко-монгольской мироустроительной парадигмы нового типа. Хотя положение «Второго Рима» на их фоне выглядит скромнее, стоит внимательнее приглядеться и определиться по отношению к нему, снова обратиться к извечному русскому вопросу «откуда есть пошла земля Русская». В конце концов, может быть, самое главное в дороге — ее начало. Этот

вопрос — не только научный, но и экзистенциальный, и он должен рассматриваться исключительно в динамике, на протяжении всего времени существования нашего государства, ибо византийское наследие оказывает свое воздействие на развитие Православного мира даже в наши дни.

Термин «византизм» («византизм») к настоящему времени имеет куст различных значений, ибо употребляется в разных ситуациях и смыслах. Думается, есть возможность увидеть в нем и такое значение, как «цивилизационный синтез». Мы часто сводим византийское наследие лишь к «дарам» или, наоборот, к негативным явлениям в политической сфере. Но это не все, что можно сказать и, думаю, что это не главное. Главное в том «материнском начале», которое ушедшая цивилизация передала своей «любимой дочери» — России, это «заветы», с помощью которых и мать, и дочь жили и живут. Иначе говоря, это — парадигмальное знание, которое всегда надо искать в истоках любой цивилизации.

Существенный вопрос видится и в том, что такое «византийское начало» — парадигма в целом, та или иная модель византийской державы или только рецепты («дары»). Иначе говоря, что такое Византия — «отец», который женился на «матери» (славянская культура), или всего лишь «дядя», который периодически привозил свои подарки («дары»). Скорее, таким «дядей» все же была Европа, щедрая, однако, на свои «дары».

Византийский опыт надо признать достаточно успешным, ибо само это государство просуществовало более тысячи лет. Пожалуй, в мировой истории таких примеров не так уж много. Китайская имперская традиция просуществовала тоже больше тысячи лет, но она состояла из суммы династий. Не менее успешна и русская история, где две династии, Рюриковичи и Романовы, владели государством тоже больше тысячи лет. Ушли эти династии как властные модели, и государство оказалось в серьезном кризисе, «социализм» лишь на время скрепил огромное пространство.

Византийский опыт можно рассматривать в двух плоскостях. С одной стороны, в период раннего и классического средневековья страна выработала мощный синтез идей и рецептов, направленных на создание и эффективное функционирование имперской конструкции, существенно отличающейся от «материнского», собственного римского прототипа. С другой стороны, эта имперская модель неизбежно влекла за собой формирование полноценной цивилизационной конструкции, перерастала в нее. Этот путь был долгим и к моменту гибели империи еще далек от завершения. Если бы она не пала, вполне возможно, что со временем возникла бы обширная греко-славянская византийская цивилизация. Россия подхватила эстафету Византии и в этом смысле — начала строить свою цивилизацию, уже не столько ориентируясь на цели, стоявшие перед Византией в имперский период, сколько продолжая ее прерванное цивилизационное строительство. Основа для этого была и сохраняется до сих пор. Все еще остается достаточное политическое пространство, которое сначала несколько чрезмерно расширилось, потом периодически сокращалось — после распада Российской империи и СССР. Существует и самодостаточное

экономическое пространство, которое образовалось в результате противостояния *вестернизаций* и *истернизаций*. Есть и необходимая культурная платформа: христианская парадигма до сих пор в той или иной форме дает основные мироустроительные и цивилизационные идеи. Мелькнувший в истории социалистический эксперимент на самом деле не был случайным и напрасным — он дал дополнительные стимулы для развития концепций общества социальной справедливости и сближения культур русского и других народов. Это все постепенно соединялось, как это ни парадоксально звучит, в христианско-социалистический синтез, т.е. в то, что воевало друг с другом и в ходе этой войны избавлялось от лишнего.

Споры о направлении развития России сопровождают всю ее историю, и это не случайно, ибо она находится на стыке культурных зон и между двумя крупнейшими цивилизациями — Европейской и Степной. Обе отличает большая специфика развития. Восточноазиатская или Индийская цивилизации развивались как бы в предельно замкнутом пространстве; становление мусульманской — самой обширной, если не считать Кочевой — также происходило на традиционном фундаменте — в сложившемся на протяжении нескольких тысячелетий так называемом авраамическом пространстве, где взаимодействовали первые азиатские цивилизации, а потом и такие мировые религии, как ислам, иудаизм, христианство. Внешне дисперсная, что было связано с наличием таких древнейших зон, как иранская, сирийская, ближневосточная, египетская, североафриканская, она в то же время создавала культуру, которую пронизывали такие мощные синтезирующие потоки, как персидская, эллинистическая, иудео-христианская традиции. Они и составили не всегда очевидную цивилизационную арматуру этого «мира».

Европейская цивилизация, находившаяся на самом краю тогдашнего «культурного» пространства, выработала свои формы и алгоритмы существования. По большому счету, она, как это ни парадоксально, никогда не развивалась изолированно, впитывая, как губка, все то, что было распространено в Средней Азии. Три остальные цивилизации — Византия, Россия и Кочевая (или Степная) — принципиально отличаются от остальных. Они существуют как бы «на улице», между другими «домами», на перекрестках между разными «мирами».

Об истории и культуре Византии, ее отношениях с другими государствами написано великое множество статей и книг. Однако о том, какую роль в цивилизационном плане играла в ее истории дихотомия Запад и Восток, упоминается мало. А между тем эта дихотомия в истории страны, безусловно, существовала. Византия медленно дрейфовала от латинско-варварского Запада, но в силу того, что парадигма ее все же не была идентична никакой из восточных, она вынуждена была развивать свой собственный взгляд на мир, превращаясь в итоге в чужую и для Запада, и для Востока. Поскольку новые евразийские парадигмы либо уже не представляли собой прежних мощных культурно-исторических конструкций (сирийская, иранская, египетская), либо находились на начальном этапе формирования (латинско-христианская, исламская), эта дихотомия для государства еще не носила экзистенциального характера. Россия же, тоже оказавшаяся между Западом и Востоком,

вынуждена была эту проблему решать на самом высочайшем цивилизационном уровне. И здесь мы можем видеть, что она активно использовала именно византийский алгоритм, разумеется, дополняя и корректируя его.

В России всегда быстро менялась ситуация, что несколько роднит ее с Европой — то идет христианизация (Византия), то устанавливается патронат Золотой Орды (монголы), то строится империя, то распространяется родившийся в Европе марксизм. Вестернизация и истернизация проходят, как качели. Это рождает, по сути, две философии истории, за счет чего со временем будут сформированы даже партии. Одни — за автономность развития, скажем, на базе марксизма, другие — за стремление как можно быстрее стать «нормальным европейским государством». На это не могла не повлиять этнокультурная дисперсность, ибо в России всегда было много самых разных культур, иной раз диаметрально противоположных по своему осмыслению истории.

Дихотомия Запад и Восток носит не евразийский характер, хотя в Европе и рассуждают много о противостоянии с Востоком. Запад — сама Европа, ей противостоит «загадочный» Восток. Они — соседи, много общаются и много спорят. Россия же находится реально между уникальным Западом и уникальным Востоком, как бы на улице между двумя большими домами. Так Россию и воспринимают до сих пор, как некоего случайного прохожего или даже бомжа. От нее якобы даже больше вреда, чем непосредственно от Востока. Она хуже Востока, ибо у нее нет развитой культуры, она занимается плагиатом, все извращает. Европейцы не видят ее самость, вообще не считают ее самостоятельной. Ее читают через себя или через Восток, тогда как Россия развивается по своему собственному сценарию, аналогов которому нет ни на Западе, ни на Востоке.

По сути, мы одновременно решаем еще один такой же старинный вопрос — откуда идет свет, с Запада или Востока? От Востока мы вроде как отмежевались из-за войн с Турцией в XIX столетии и с Японией в 1905 и 1945 гг. Сейчас, правда, снова «пошли» на Восток. Перерастет ли это в очередную истернизацию и нужна ли она — этот вопрос тоже вполне возможен, причем уже в ближайшем будущем.

Волей-неволей мы на протяжении почти всего предшествующего века и даже сейчас отрешивались от Запада, а надо ли? Где и когда именно зародилась наша парадигма, как она развивалась? Христианство работало тысячу лет и во многом благодаря ему выросло сильное и культурно развитое государство. С XVIII в. мы стали копировать центральноевропейскую модель империи, со следующего века стали развивать свой капитализм. Мощный толчок к преобразованиям дали идеи декабристов, потом, со второй половины XIX в. спор западников и славянофилов начал перерастать уже в спор о конкретной западной модели (капитализм). Ее критиковали сто лет — до 80-гг. XX в.

Сейчас создается новая конструкция нашей цивилизационной парадигмы и требуется снова определиться с пониманием того, что такое «Запад» или хотя бы какой

период его истории – «наш». На протяжении всей своей истории Россия «душой» тянулась именно к Европе. Ее культура стала «всемирной», ее рецепты развития (христианство, идея «Рима», марксизм), помогли создавать сильное государство и мощную культуру. Именно эти три стадии общения с Европой дали три мощные этатистские конструкции, которые не могли победить никакие «враги». И тем не менее очень часто Россия обращается за «помощью» к Востоку. Александр Невский перед лицом опасности со стороны «псов-рыцарей» «отдается под руку» Орды, уход в Сибирь и далее к Тихому океану компенсировали невозможность из-за «происков» европейских купцов и правителей развивать мировую торговлю. В Среднюю Азию русские пришли из-за экономических выгод. Сейчас из-за санкций осуществляем очередной «разворот на Восток». Да, мы «европейцы» и «христиане», но в случае «беды» все же идем на Восток.

Надо наконец понять, что Восток – это не Китай, Индия или Ислам, а *Степь*. Великая степь – это словосочетание в течение тысячелетий для европейцев обозначало огромную территорию на востоке, с которой на запад приходили «орды» кочевников. Но для азиатских племен и народов это словосочетание означало жизненное пространство, на котором вершилась история всей Срединной Азии. В эпоху Чингисидов Великая степь приобрела колоссальнейшие размеры. Монгольская империя представляла собой огромный дворец, в котором совместно жили и общались христианская, буддийская, конфуцианская и исламская цивилизации. Великая степь стала и колыбелью, и пространством существования Кочевой цивилизации, огромным океаном между оседлыми народами и потому, в значительной степени – Путем, соединяющим Восток и Запад. Для русских она была «Востоком», но в то же время и Путем, ведущим к цивилизационному наследию всего азиатского пространства.

Мы же до сих пор говорим о некоем абстрактном Востоке и достаточно абстрактном Западе, лишь иногда сводя Запад либо к Византии, либо к Германии, либо к англосаксам. Европейское противопоставляется не только азиатскому, но и всему миру. Здесь со всей очевидностью проявляется европоцентристский подход и специфическое отношение европейцев ко всему человечеству по формуле *West vs Rest* (Запад против всех). На этой основе и в нашей стране, и в европейской литературе строится понимание места России как синтеза двух этих начал: «В России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев, 2016, с. 10].

Однако со всеми ли соседними территориями евразийского мира Россия одинаково активно и целенаправленно общается? Возможна ли вообще ориентация на некий «Восток» или «Запад» в целом? Исторический материал свидетельствует о сложности и неоднозначности ориентации России. Все три соседствующие с Россией зоны (Византия, Европа и Степь) пытались расширяться за счет ее территории. Повсюду это были не просто набеги, а попытки либо захватить политически

эти районы, либо втянуть их в свои зоны экономически и культурно. Целью таких столкновений является не заурядный грабеж, а «освоение» этих регионов в интересах крупнейших акторов политики, цивилизационное и в итоге политическое продвижение.

Собственно, история российской территории начинается примерно с того же времени, с какого начинается история этих зон, когда складываются племена и союзы племен (германцы, тюрки, славяне). Примерно до VIII в. славянские территории развиваются относительно автономно и самостоятельно. Внимание Запада и Востока, да и Византии, направлено внутрь своих зон и им не до славян. В них самих происходит грандиозный переход от «античности» (римской, ханьской) к синтезу «севера» и «юга». В этих условиях славяне действительно предоставлены сами себе и делают серьезный рывок в собственном развитии. Это время складывания «предпосылок» образования «древнерусского государства». Это процесс очень длительный и его темпы сдерживает то, что русские не получают помощи ни от римского мира, ни от степного – те не дают им пока ни своей «античности», ни своей «религии».

После Великого Переселения Народов на Востоке начинается период стагнации. Хунну как основная часть тогдашнего тюрко-монгольского мира рассеяны и не могут создать нового центра. Инициатива медленно, но неуклонно переходит к будущим «монгольским» племенам. На Западе наоборот начинается период складывания мощного христианского мира и империй (Каролинги, Оттоны). С VIII по XIII вв. Русь ориентируется на Византию и в какой-то степени на Запад, но преимущественно – на Византию, с которой уже существуют давние связи, и именно в ней славяне не без основания видят мощный и перспективный культурный и экономический центр. Во время этой *Первой вестернизации* Русь получает «античность» и «религию». Идет фильтрация этих форм и медленное складывание самобытной русской культуры. Русь выбирает форму «княжеств», т.е. аналогов «варварских королевств» на Западе как части «римской империи», благо в это время Римом считается именно Византия.

Русь не принимает вторую и третью «трансляции римской империи» (800, 962), ибо в них нет места не только византийскому, но и славянскому. Западные европейцы переносят фактически понятие «варваров» с германцев на славян. Это предполагает, с точки зрения европейцев, неизбежность в будущем прихода славян в русло Европы, но для этого славяне не должны будут повторять путь германцев (франков) – производить трансляцию «империи» на свою территорию, а оставаться лишь периферией Священной Римской империи. У славян же есть своя «материнская» империя – Византия.

В XIII в. начинается передел Азии. Это приводит к усилению азиатских племен в лице *монголов* и созданию ими достаточно эффективных и перспективных Степных империй, особенно Золотой Орды. Одновременно происходит ослабление Запада – выделение Католического мира, потом Протестантского. В Европе развивается

всесторонний, системный кризис. Сначала предпринимаются Крестовые походы, затем — Великие географические открытия как варианты решения проблем на основе экспансии и «исхода» «лишних людей». Это основные причины фактического принятия русскими «татаро-монгольского ига». Русские в принципе могли бы сбросить это иго еще в XIII в. Азиатам Русь нужна была не больше, чем Европа, ибо она — страна городов и развитого земледелия. Фактически сами русские нуждались в интеграции с татарами. Отдельными акциями, в том числе и военными (даже Куликовская битва или Стояние на Угре), они лишь корректировали характер своих отношений с ними. Так же они раньше совершали походы на Византию и «прибивали щиты к воротам Цареграда». Ига как тотального подчинения Руси татарами не было уже хотя бы потому, что в культурном и цивилизационном плане русские сохранили ориентацию на Запад (Византию). В то же время тесных связей с Византией у русских уже не было, что было одной из предпосылок дальнейшего развития автономной русской культуры. В результате складывается парадоксальная для русских ситуация: культурная подпитка идет с Запада, а экономически они ориентировались на мощные, прежде всего в торговом плане, восточные татарские государства. Все, что необходимо было в экономическом плане, они получали преимущественно с Востока, хотя и поддерживали нерегулярные связи с Западом. Но Русь активно продолжала брать и европейскую античную культуру. Своя «древность» использовалась лишь до монголов, и то не в полной мере. Эти «весы» — христианство и древность, своя и западная — будут сказываться целый ряд столетий.

Монголы пришли с совершенно чужой зоны. Они нанесли мощный военный удар. Русь вынуждена была мстить. Попытки нанести монголам военное поражение не удались. Русские вынуждены были максимально скрывать свое неповиновение. Европа решила воспользоваться сложным положением Руси. Русь идет на политический союз с Ордой, но не экономический и не культурный. Такая политика продолжалась до тех пор, пока не исчезла военная опасность со стороны Европы, в которой начинаются совершенно новые и необычные процессы (Реформация, Возрождение, Великие географические открытия, капитализм).

Это была *Первая истернизация*. Русь вошла более или менее активно в политические отношения с мощными восточными «Шерханами». Однако в XV в. происходит ослабление татарского мира за счет сокращения связей с Востоком, которые все в большей степени начинают контролировать возрождающиеся тюркские государства, особенно османы. Золотая Орда была обязана своим могуществом торговле. Иных основ для развития у нее фактически не было. Возможности для «капиталистического» развития в Степной зоне не существовало. Повторять монгольские «ураганы» татарам никто бы не дал. Об этом свидетельствует уже хотя бы фактический провал второго «урагана»: Тимур волей-неволей нанес удар в свои ворота, ибо не смог подчинить тюрков.

Русь при последних Рюриковичах начинает снова ориентироваться на Запад. Это — *Вторая вестернизация*, когда Русь делает ставку на развитие торговли с Западом, а не на развитие собственного производства. Она фактически начинает выступать в роли

торгового конкурента Золотой Орды. Это дополнительно (после Тимура и Османов) ослабило татарский мир. «Рим» в истории России все же был важнее «Орды».

Центральной Европе Русь была малоинтересна, а связи с Западом через ее голову были невозможны. К тому же и Западной Европе Русь тоже была неинтересна. Лишь по Балтике хило функционировала торговля (балтийская тропа). Но и Россию Западная Европа настораживала из-за той политической, экономической и социальной турбулентности, что там наблюдалась. Поэтому на сей раз вестернизация оказалась недолговременной. Ее сократили попытки Польши и Швеции поставить Русь под свой контроль. Русь отбила этот натиск, но была значительно обескровлена. Выход нашел народ, а не правительство — это была Сибирь. Путь туда был открыт благодаря быстрым, решительным и умелым военным ударам по Казани и другим осколкам былого татарского могущества, в итоге правительство стало ставить под контроль этот процесс. Это будет продолжаться и в остальные столетия — Сибирь является частью русского пространства, но государство лишь эксплуатирует ресурсы Сибири. Программа фактически содержится в знаменитом высказывании М.В. Ломоносова: «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [Ломоносов, 1952, с. 498].

Идейное единство Европы исчезает, Орда «слабеет», в ней тоже нет единства, появляется возможность и необходимость Руси срочно укрепляться. Она участвует в ликвидации Орды, одновременно осуществляет «собрание» земель, активно «идет» в Сибирь. Возрождается и усиливается общее государство, начинается вполне естественное движение к имперской форме. За образец в конечном итоге отчасти берется центральноевропейская империя, выраставшая из средневековой Священной Римской империи. Это уже не классическая аграрная империя, в ней сложные политические и экономические связи между отдельными регионами. Активно используется и византийская модель, откуда, в частности, будет заимствована идея примата самодержца. В итоге складывается своя собственная модель — русская. Идея европейского Третьего Рима уже не нужна, ибо она, как и классическая феодальная византийская модель, слишком сильно связана с прошлым, классическим аграрным Средневековьем, а в Евразии начинается переход к постаграрному и посттрадиционному обществу.

Русская модель обязательно связана с усилением проникновения в Сибирь. Особое значение придавалось, как и в Византии, торговле, «дружбе народов» как объединению ресурсов, выстраиванию государства на основе модели «семьи». Постепенно государство, опять же, как и в Византии, будет устанавливать все более жесткий контроль над культурой в целом, местными культурами и идеологией, особенно начиная с Петра I. Дух не должен вейть, где хочет. Осуществлялась поддержка ведущих семей и родов на окраинах, что идейно объединяет различные народы в составе страны. Многие из них начинают обживаться в формирующейся империи. В какой-то степени они были и на практике готовы к этому. Скажем, территория Орды вошла в Россию без особых проблем, ибо была подготовлена к жизни в

крупном государстве. И в Орде, и в России использовался одинаковый алгоритм развития – «имперский». К тому же русские люди и ранее активно общались с другими народами в составе Орды. Симбиозные отношения, пусть и медленно, начали формироваться еще во времена нахождения в одном «татарском» государстве. Орда – государство сложносоставное – тоже вынуждена была поддерживать «добрые» отношения между своими народами. К этому она пришла не только из практических соображений, но и получив через Русь «уроки» из далекой Византии. У нее была дилемма – раствориться в обширном и полиэтничном мусульманском мире или получить что-то вроде «автономии» в православной России. Волей-неволей она перешла на второй вариант.

Стремление к «уживчивости» народов в составе державы станет константой и современной России. Попутно заметим, что европейцы, столкнувшись в своем движении за пределы континента с «иными», чуждыми им культурами, уничтожали их.

При Петре Первом начинается *Третья вестернизация* с ориентацией на Центральную Европу и ее государственные формы, культуру, экономику. Вместе с формирующимся в ходе продвижения на восток «Сибирским огородом» это резко возвысило Россию. Была принята форма империи уже не по византийскому канону, а по образцу Священной Римской Империи с акцентом на вертикали власти, торговле, экспансии. Она просуществовала до Первой мировой войны и позволила создать самое обширное государство в Евразии и экономически одно из самых развитых и сильных в военном отношении, с оригинальной политической конфигурацией. Активизацией отношений с Европой в XVIII–XIX вв. было обусловлено притяжение Российского государства к Западному сообществу и возникновение системы цивилизаций «Европа–Россия» в виде геополитической целостности, вписывающей Россию в европейский конфликтный расклад. Появилась со временем даже формула «Европа до Урала», совместно сотворенная в 1720-х пленным шведом Ф. Страленбергом и «птенцом гнезда Петрова» В.Н. Татищевым.

В XVIII–XIX вв. в результате прихода на Кавказ и в Среднюю Азию происходит встреча с исламом и это инициирует его ползучее проникновение.

Достаточно четко оформляются три зоны:

1. Собственно Россия с господством православия, которое уходит в Сибирь двумя «языками»:
 - а) «русский» по Южному Уралу, Южной Сибири и Дальнему Востоку;
 - б) «серый клин» – Север, куда потянулись выходцы из западных губерний России.
2. «Южное подбрюшье» с широко представленным и фактически господствующим исламом. Это уже не Степь, хотя многие степные ценности, тюркского и монгольского происхождения, здесь не менее востребованы, чем мусульманские идеи.
3. Сибирь, сохранявшая вплоть до Советской власти основы традиционного общества.

В этих условиях еще большее значение приобретает цивилизационная составляющая православия, которое начинает играть роль «мировой» идеологии, а не только основы русской культуры. Смена этой парадигмы идет непросто, свидетельством чему серия кризисов Русской православной церкви, неустойчивость ее авторитета.

В XX столетии происходит одновременное ослабление Запада и Востока. На Западе в ходе передела пространства разразились мировые войны, на Востоке происходило окончательное «пробуждение Азии» в форме социально-политических катаклизмов и региональных войн. Инициатором оказалась Япония, но в них активное участие приняли, и довольно охотно, и другие государства.

Предоставленная сама себе и отринутая Западом окончательно (как потенциальный соперник была «побеждена» в Первой Мировой Войне), Россия делает акцент на *самостоятельном*, автономном развитии в форме построения оригинальной «социалистической» конструкции. Это спасает Россию на протяжении всего опасного столетия. Это позволило не только отстоять свою независимость, но и создать одно из самых сильных государств на планете, в потенции единственно сильное. Только путем сверхусилий Запад смог нанести удар по России в невиданной информационной войне («холодная война»).

Начинается *Четвертая вестернизация* с ориентацией уже на англосаксонский мир. Россия пытается стать полноправным членом ЕС, а Запад пытается либо сделать ее фактической экономической колонией, либо раздробить. Любое осколочное государство на пространстве СССР никогда не сможет быть конкурентом никому, ибо сила России в интеграции усилий всех ее народов.

Протяженность вестернизаций и истернизаций сокращается: Первая Вестернизация – пять столетий, Вторая и Третья – по два века, Четвертая – около 30 лет, продолжается до сих пор. Первая истернизация заняла три столетия. Явно доминируют вестернизации!

В настоящее время Запад заметно слабеет, ибо есть признаки того, что он проигрывает глобализацию. XXI в. – время возможности сознательного контролирования и самостоятельности общественного развития (первый опыт – «социализм»). Поэтому наиболее безопасным для России вариантом возможного развития является *автономный* с основой на «советском» фундаменте. Россия, оказавшаяся на самом сложном этапе своего развития, была основательно шокирована внезапно открывшимся для нее положением некоего «третьего лишнего» в склоке Запада и Востока. И шок этот в какой-то мере сохраняется до сих пор. Отсюда, видимо, один из расколов в нашем современном обществе, часть которого настаивает на стопроцентной и немедленной вестернизации, а другая тянется к ценностям ислама или буддизма и эту «истернизацию» тоже считает единственным вариантом спасения для России. Если в XIX в. российское общество расколосось, так сказать, «по вертикали», что нашло отражение в борьбе «бедных» и «богатых», «эксплуатируемых» и «эксплуататоров», то сейчас раскол носит «горизонтальный» характер. Западная

часть бывшего Советского Союза, которая имеет в своих руках все необходимые средства давления (там находится политический центр государства, основные экономические центры и основные военно-полицейские ресурсы), активно стимулирует движение страны на Запад. Восточная же часть страны, практически от Волги и Урала, и бывшие советские республики Средней Азии, не имея возможности активно сопротивляться официальному курсу, вступили в глухую, хотя иногда и плохо скрываемую, оппозицию ему. Формой этого сопротивления, естественно, пока является культурное возрождение традиционных представлений и нарастающий интерес к мировым культурам Азии, прежде всего, к исламу и буддизму. Иначе говоря, «вестернизация» и «истернизация» демонстрируют распад прежнего культурного (именно культурного, а не политического) единства общества. Оба этих процесса пробуксовывают, что связано, видимо, не с какими-то конкретными политическими событиями или проблемами, а в гораздо большей степени с неконтролируемостью этих процессов, которые зашли слишком далеко. Слишком увлеклась Россия возможностью «брачного союза» с евро-американской зоной и попала под слишком большое очарование мощных азиатских культур. В результате культура самой России, многовековая и, без сомнения, великая, оказалась отодвинута на задний план. Это проявилось в том, что русский язык снова стал языком-миксом, смесью на сей раз английского с нижегородским, и, вероятно, никогда еще русская история и русская культура не подвергались такому жестокому остракизму.

В истории Северного Востока особую роль сыграли три этноса – тюрки, монголы, китайцы. Тюрки не оказали особого воздействия на славян в целом и русских в частности. Монголы заставили русских произвести первую истернизацию. В настоящее время происходит усиление третьего элемента Востока – китайского. В этих условиях вполне возможной выглядит *Вторая истернизация* – уже с ориентацией на Китай. Она опасна для России, ибо на сей раз китайцев неизмеримо больше, чем когда-то тюрков и монголов. Демографический фактор может размыть русских, если они войдут в китаеццентричное сообщество. Да и экономические потенциалы Китая очень существенные.

Говорить, что византийское наследие в этих условиях теряет привлекательность для России, все же не приходится. Россия остается огромным многонациональным и мультикультурным государством, и, хотя непосредственно византийские рецепты работать не могут, алгоритм существования такого типа государства, тщательно разработанный в Византии и прошедший там мощную апробацию, еще сохраняет во многом свою значимость.

Таким образом, если более внимательно и менее ангажировано присмотреться к истории взаимоотношений Руси-России и Византии, то можно сделать очевидный вывод о том, что роль «византийского наследия» явно недооценена. В частности, Россия никогда не выбирала между Западом и Востоком, а шла по пути Византии. Да и Византия никогда не выбирала между различными цивилизационными потоками, не пыталась стать чьим-либо притоком. Обе страны шли своим собственным путем, путем православия. На самом деле никто никогда не выбирает чужую судьбу

и культуру. Даже завоеванные народы всегда оказывают активное или пассивное сопротивление. Они могут быть рано или поздно ассимилированы, но чужую парадигму никогда не возьмут. Россия — не продолжение Византии, а государство, которое берет «опыт» Византии, но остается самим собой.

Россия — не клон Византии. Это в принципе невозможно! У Византии есть более близкое окружение — Ближний Восток, греки, южные славяне, даже латиноязычные зоны для нее ближе, чем Русь. А Русь — даже не восточные славяне, а лишь часть их! И она лишь «учится» у этого «учителя» на определенном этапе своего развития (создание государства). И не она одна. Можно вспомнить, что османы во многом выросли на опыте Византии.

Можно ли говорить о реальном и равноправном «византийском содружестве» стран и народов? И как это могло сказаться на истории Руси? Есть сама империя и есть ее периферия, которая копирует византийскую идеологию либо близко к оригиналу (болгары), либо частично или временно (западные славяне). Потом может легко заменить на католицизм (поляки), либо относится к ней довольно пассивно (чехи, словаки). Другие народы славянской зоны (венгры, румыны) всегда пребывали на определенной дистанции от византийской культуры. Все они находились в некоей серой зоне и испытывали большое влияние католического Запада. Они то тянутся к Европе, то бегут из нее. Тем не менее Запад все активнее пытается подчинить их себе, прельщая или «христианизацией», или переходом на «магистральный путь развития всего человечества».

Русь-Россия в этом плане занимала особое положение. И. Мейендорф полагал, что одним из результатов византийской политики было планомерное «вращивание» Московской Руси как оплота Православия на Севере, а возможно и преемницы Византии [Мейендорф, 1990]. В общем-то Россия равно далека и от Византии, и от Запада, да и от Орды, и выбирает себе религию сама. Сравнивает разные религии, общается с ними. Выбранное ею православие распространяется очень медленно (несколько столетий), и «вера» получается не такая уж и «твердая». Не то, что в исламе. Она всегда сочетается с другими «столпами». Достаточно вспомнить известную формулу «самодержавие — православие — народность». Причем, это на самом деле не распространение, типа христианизации на Западе, а «освоение» и адаптация, создание синтеза с местными культурами. Русская православная церковь стоит особняком по отношению к другим восточноевропейским церквям и к византийской ортодоксии, отсюда неизбежные конфликты и с Византией, и восточными славянами, и их церквями, а также, понятно, с Западом и Ордой (где долго существовало христианство).

Цивилизационное развитие России можно увидеть и так. Собственная славянская культура является фундаментом, она дает необходимое «семейное», дошкольное воспитание. Человек становится потребителем и ценителем культуры. «Византийское наследие» — «школа», дающая необходимые знания о мирах физическом и этнокультурном. Человек превращается в транслятора культуры и несет это

«знание» по вертикали, детям и внукам, и горизонтали — другим народам. Европейская культура, безусловно, одна из величайших культур на планете, может дать «высшее образование». Оно необходимо для того, чтобы народ чувствовал себя комфортно в человеческом сообществе и мог продвигать свою культуру и дальше, стать творцом культуры. Собственно «русское» должно стать итогом движения по этим ступеням, их гармоничным синтезом.

Взаимоотношения всех указанных потоков могут быть разными. Их можно представить и в виде треугольника: славянское (русское) — византийское — европейское. В идеале этот треугольник должен быть равнобедренным, однако Европа всегда стремилась доминировать. Русское и византийское же, пусть и не всегда бесппроблемно, сочетались, стремились к гармонии, симфонии. Это видно хотя бы из той же известной формулы: православие как религиозный и философский синтез, народность, самодержавие как целостность государства и единство народов. Россия, действительно, многополярный мир. Это идея может лежать в основе цивилизации нового типа, открытой в будущее, а не выживающей, как Европа. Такую роль она, по сути, играла когда-то и в Византии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. Русская идея // *Бердяев Н.А.* Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. С. 9–308.

Волошин М.А. Благословение // *Волошин М.А.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2003. С. 291–292.

Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л.: Издательство. АН СССР, 1952. С. 417–498.

Мейендорф И.Ф. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. Paris: YMCA-press, 1990. 442 с.

REFERENCES

Berdyayev N.A. Russkaya ideya [The Russian Idea], in Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow: Izdatel'stvo "E", 2016. Pp. 9–308 (in Russian).

Voloshin M.A. Blagoslovenie [Blessing], in Voloshin M.A. *Sobranie rabot* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak 2000, 2003. Pp. 291–292 (in Russian).

Lomonosov M.V. *Kratkoye opisanie raznykh puteshwstviy po severnym moryam i pokazaniye vozmozhnogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu* [A Brief Description of Various Travels in Northern Seas and Testimony of the Possible Passage

via the Siberian Ocean to East India], in Lomonosov M.V. *Polnoye sobranie sochineneniy* [Full composition of writings]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. Pp. 417–498 (in Russian).

Meyendorf I. *Vizantiya i Moskovskaya Rus': ocherki po istorii tswrcovnykh i kul'turnykh svyazey v XIV v.* [Byzantium and Muscovite Rus': Essays on the History of Church and Cultural Connections in the 14th Century]. Paris: YMCA-press, 1990. 442 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 14.08.2023